

Роман Вершилло

Упорядоченная душа в Новое время

Москва, Антимодернизм.Ру, 2023

Вершилло, Роман Алексеевич. Упорядоченная душа в Новое время. М.: Антимодернизм.Ру, 2023. 92 с.

В своей новой книге московский публицист Роман Вершилло, основатель и главный редактор сайта «Антимодернизм.ру», описывает судьбу упорядоченной души в XXI веке. Р. А. Вершилло продолжает размышления философов порядка, отечественных и зарубежных: К.Н. Леонтьева, Эриха Фогелена, Лео Штраусса и др. Автор предлагает рассматривать упорядоченную душу христианина как инструмент для исследования мира, времени и человека. В отличие от идеологов, христианин слышит вопросы, которые Бог задает человечеству, и приходит к объяснению современного мира, как враждебного Христианству. Согласно Р.А. Вершилло, история закончилась в 1917 году, но в другом смысле она продолжается, потому что упорядоченная душа продолжает судить мир и в наше время.

Иллюстрация на обложке

Слуга пророка Илии видит облако. Каспар Лейкен. 1698 г.

Оглавление

.....	1
О чем эта книга	3
Перемены в душе	5
Перелом в истории	16
Итоги 2022	23
Реакции упорядоченной души	37
План восстания против Нового времени	47
Странные сочетания	59
Заключение	67
Послесловие. Что дальше для модернизма и антимодернизма?	71
Предметный указатель	81
Литература	84

О чем эта книга

Темой данной книги является разумное сознание и то, как оно существует сегодня, в 2023 году.

Упорядоченная душа христианина и гражданина живет в истории. Здесь, пред Лицом Божиим, царит порядок, и здесь же в Новое время возникает особого рода беспорядок, то есть новый, современный человек.

Современный человек предстанет в нашей книге в двух видах: 1) идеолога, то есть образцового гражданина современного антигосударства и 2) модерниста, то есть члена лжецеркви, создаваемой внутри Церкви истинной. И в первом, и во втором случае он составляет противоположность душе разумной. С этим человеком невозможно примирение или переговоры. В этой книге я попробую выяснить, почему это так.

Для этого я предлагаю представить историю как цепь Божественных вопросов, обращенных к человечеству. На эти вопросы человечество отвечает то верно, то неверно, то есть отвечает или уходит от ответа.

Современный человек взыскует радости о себе самом, останавливая свою мысль перед неудобными вопросами. На этом пути новый человек обманывает сам себя. Он утрачивает интеллектуальную бодрость, погружается в малодушное неверие, суетливую деятельность и развлечение. Поэтому современный человек – глупец.

В Новом веке христиане действуют, мыслят и говорят как обычно, но в отличие от древности, всё это бесполезно, ничего не меняет, оставляет до Суда всё как есть. От этого наши размышления наполнены пессимизмом, и это хорошо. Только огорченное сердце может взыскать радости о Боге, презирая опасность.

Отвечая на Божественные вопросы, мы размышляем над опасными вещами, над вопросами нашей жизни и смерти. Христианин не хочет для себя посылного, не ищет поправимого человеческими усилиями, не жаждет практически достижимого. Он не желает того, что способен вынести.

Как и все люди, верующие и неверующие, христиане борются с истиной. От идеологов и модернистов нас отличает то, что мы согласны с тем, что истина нас побеждает. Каждый христианин – мудрец, которого ведет Истина, страшная и невыносимая.

Знание, вера и любовь согласно приводят нас к Тому, Кто судит о твоём знании, вере и любви.

В книге три главные части:

1. Душа в эпоху перемен.
2. Итоги 2022 года, или К чему привели поиски радости по человеку.
3. Реакции упорядоченной души, то есть такой, которая удовлетворяется только радостью о Боге.

Глава «Антимодернизм как наука» была ранее опубликована отдельно на сайте «Антимодернизм».[1]

Примечания всюду авторские.

Перемены в душе

Странное положение

В Новое время христиане оказались в странном, неустойчивом положении. Его можно было не замечать до поры до времени, а точнее – до падения Православного Царства в 1917 году.

Что же самое странное?

После 1917 года по не совсем очевидным причинам Православная Церковь перестала пользоваться своей властью преследовать инакомыслящих и инаковерующих в Церкви и вне Ее. Трудно переоценить масштабы такого переворота, и его можно объяснить только тем, что с отъятием Удерживающего история кончилась.¹

Однако инаковерующие от этого никуда не исчезли. Они обступили Церковь сонне и с удобством расположились внутри. С этих пор, а на деле – несколько раньше, уже в конце XIX века, преследование инакомыслящих стало уделом одиноких и безвластных лиц, которых мы назовем «анти-

¹ «„И ныне удерживающее весте, во еже явится ему в свое ему время“ (2 Фес. 2:6). Что же такое „удерживающее явится ему“ то есть, препятствующее? Одни говорят, что это благодать Св. Духа, а другие – римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что, если бы (апостол) хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но (сказал бы) определенно, что теперь препятствует ему явиться благодать Св. Духа, то есть (чрезвычайные) дарования. Кроме того, надлежало бы уже ему придти, если тогда он должен придти, когда оскудеют (чрезвычайные) дарования, потому что они давно оскудели. Но так как (апостол) говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности. В самом деле, если бы он сказал, что в непродолжительном времени разрушится римское государство, то тогда немедленно его, как возмутителя, стерли бы с лица земли, и (вместе с ним) всех верующих, как живущих и подвизающихся для этого».[2, С. 597-598]

«„Точно держай (ὁ κατέχων) ныне дондеже от среды будет“. То есть: когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божескую – власть. Подобно тому как прежде того разрушены были царства, именно: мидийское – вавилонянами, вавилонское – персами, персидское – македонянами, македонское – римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом, а он сам будет побежден Христом и более уже не будет владычествовать. И все это с большою ясностью передает нам Даниил».[2, С. 598]

модернистами». В этом смысле история продолжилась, несмотря на свой определенный конец в 1917-м.

Как православные антимодернисты, мы тоже находимся в довольно странном положении.

С одной стороны, мы должны стоять на том, что знаем всю истину, правы во всем, то есть верны Православию как полноте истины и святости.

Действительно, мы можем быть антимодернистами, только утверждая совершенство Истины, содержимой Церковью, и отвергая всякое изменение Церкви ради приспособления к миру. В то же время мы занимаемся почти исключительно критикой членов Церкви и Церковных институтов за модернизм и екуменизм.

Итак, первая странность: непонятно, отстаиваем ли мы совершенство Православия или рассказываем всему миру о несовершенстве Православия. Мы как бы опровергаем сами себя, собирая и анализируя факты, говорящие об ущербе, изменчивости Церкви.

С другой стороны, в той мере, в какой мы – сознательные христиане (то есть просто христиане), мы должны свой антимодернизм подвергнуть критике. Тогда выясняется, что наше особенное занятие состоит в преследовании инакомыслия, в том числе в самих себе. Антимодернизм, таким образом, не богословие, так как изучает всего лишь человека, к тому же зараженного модернизмом. Мы исследуем личности врагов Церкви и их место в Церкви, действуя здесь с опаской, ведь, как писал о. Серафим (Роз), каждый из нас мог бы стать Иудой.[3]

Мы судим и сами судимы Богом. Мы не отказываемся от суда над нами и покушаемся на то, чтобы судить себя и других. Вот еще одна непонятная вещь.

Откуда такие странности, тем более под сенью вечной Истины?

Мы не можем оправдаться, сами разрешить эти дилеммы, и в то же время они существуют независимо от нашего желания. Причина странностей в том, что рядом с нами, в Божьем мире, живут новые люди: идеологи и модернисты, а мы живем бок о бок с ними.

Эту главную, источную странность можно **не замечать**. Все идеологии помогают не замечать, что человечество разделено на два не сообщающихся рода людей.

Странность и неустойчивость можно **претерпевать**, и все люди так и делают, христиане ли они, идеологи или частные лица.

Наконец, можно **изучать** это странное положение. Именно это и делают антимодернисты, и их наблюдения важны и для той и другой стороны разделенного человечества.

Что же замечают антимодернисты в окружающей обстановке?

1. Они видят, что в Церкви победил модернизм.

2. Антимодернисты исповедуют, что Православие есть совершенство и полнота истины.

В Церкви победил модернизм. Это факт, который можно доказать, описать с достаточной степенью глубины. Но как быть, в таком случае, с совершенством Православия? Оно исчезло? Уменьшилось? Его никогда не было? Нет, с этим мы не можем согласиться.

Православие есть совершенство и полнота истины. Значит ли это, что в Церкви нет никакого модернизма? К сожалению, он есть. От нас зависит: замечать модернизм в мыслях, проповеди и реформе или не замечать, но модернизм существует самым действительным образом.

Итак, отмечая про себя странность нашего положения, мы начинаем яснее можем видеть то, что действительно происходит вокруг нас.

Для этого не нужно особенно хорошее зрение. Трудно не видеть, что предательство Православия, веры и нравственности совершается безнаказанно, и иногда поощряется Церковной властью. Да и сами модернисты не дают нам забыть о себе. Они бравируют своей безнаказанностью, своей «церковностью» и «воцерковлением» других. Они без слов, одним своим присутствием в Церкви, демонстрируют странность современного положения, когда предатели Православия безбедно существуют в Церкви наряду с православными.

Не видеть все это можно, только намеренно и умело закрыть глаза на неприятные моменты. Модернизм как раз это и совершает в Церкви. А вне Церкви то же самое совершают идеологии.

Поддавшись волшебству, ты переселяешься из истинной Церкви в вымышленную, сказочную, ту, которой на самом деле нет. Зато мы помогли сами себе, спасли себя от странностей, а помощь Божия нам нужна теперь лишь «синергически».

Нет, я предпочитаю видеть свое положение таким странным и неустойчивым, каково оно есть на самом деле, а не исправлять его своими силами. Значит, нужно сознавать, что в Церкви есть модернисты. Это важный признак, указывающий на то, что человек ходит пред Богом в созданном Им мире и основанной Им Церкви, а не живет в собственном мире, закрытом от неудобной реальности.

Странности указывают нам на то, что нам не на чем стоять в подлунном мире. И даже на своей антимодернистской системе взглядов мы не можем основаться. Мы в любой момент можем пошатнуться и, чтобы не пасть, вынуждены предаться в руце Божии.

Но так ли уж странно наше странное положение? Если вдуматься, то оно является обычным для всякого человека Нового времени. Все наши современники, как и мы, находятся пред Богом, и все живут в эпоху Отступления от Бога, в которой неуютно даже идеологам.

Больше того, ненормальное положение антимодерниста является обыч-

ным для человека, как такового. Всякий человек судим Богом, и условия человеческого существования распространяются на всех. В юдоли смерти царит полное равенство. Несмотря на непреодолимые различия, все люди одинаково претерпевают общие всем бедствия, включая созданные ими самими.

Итак, антимодернисты находятся в таком же положении, как модернисты, идеологи, люди Нового времени и как вообще все люди во все времена. Антимодернистов отличает только то, что они обращают внимание на необычное положение христианина в Церкви и человека в современном мире.

Итак, главная странность нашего времени не в особенном положении христиан. Наше эксцентрическое положение – лишь симптом смерти этого мира. Главная странность нашего времени состоит в том, что история кончилась, но отдельные лица достигают все большей ясности в своих мыслях, все лучше понимают, во что они веруют.

Так мы соблюдаем христианскую отдельность от мира и не отделяем себя от человеческого рода, не впадая в эйфорию ни от общности, ни от отдельности. Когда мы наблюдаем окружающий нас распад, необратимый раскол, то испытываем не ярость или меланхолию, а исследуем внешнее положение, внимая себе. Оттого и тон антимодернистских рассуждений должен быть спокойным и скучным, хотя и мрачным.

Так мы возобновляем христианскую традицию размышлений над бренностью бытия, традицию, которая намеренно подавлялась несколькими поколениями модернистов.

Мы говорим о разных странных вещах, чтобы описать свое разочарование со всех сторон:

- О Церкви, но не усматриваем для Нее никакой мирской роли, никакого внешне различимого расцвета;
- О современном богословии, что оно невозможно;
- О христианской политической философии, но не видим никакой ее практической значимости;
- О современном антигосударстве, в котором мы ведем себя как наилучшие граждане государства истинного;
- Об искусстве мы говорим, указывая на его непредумышленность и незаметность в современном мире;

Что нам дает такое исследование, и в частности, исследование суеты сует: то есть модернизма? Нам становятся понятными многие удивительные факты, свидетелями и участниками которых мы являемся.

История как цепь вопросов

Указав на странность положения души в наше время, мы можем теперь рассудить о причинах такого положения.

Параллельно развиваются две истории: Града Божия и града человеческого. Значит, человечество едино, но история человечества не имеет какого-то единого смысла. Поэтому верны два противоположных заключения:

1. История кончилась;[4]
2. По ходу истории достигается все большая ясность.[5]

Если мы захотим рассмотреть эту дилемму более пристально, то увидим, что история и биография (личная история) – это цепь вопросов и ответов, совпадающих с порядком познания, то есть ходом различений, разъяснений в душе. Вопросы задает Бог и властно требует ответа пред Лицом Своим. Поэтому неверный ответ неверен абсолютно, а верный – абсолютно верен.

История есть как бы экзамен, который нельзя отложить на потом, выпасть в сиюминутное, в прошлое или в будущее. Вопросы обращены ко всему человечеству, к каждому человеку, народу, эпохе. Всякая душа призвана слышать и отвечать на эти вопросы, но соглашается с этим только упорядоченная душа, то есть предстоящая пред Богом.

Вопросы нельзя решить раз и навсегда, записать ответы и забыть о них. Надо каждый раз заново проходить путь познания, чтобы ответы всегда были одними и теми же.

Христианин в любое мгновение предстоит пред Богом. Но рядом с христианами есть и те, кто предстоит пред самим собой, открывается сам себе в посюстороннем откровении.²

Из сказанного вытекает, что христиане не отпадают от единства человечества, а идеологи отпадают.

Вечные вопросы слышали во все времена и все народы. Они касаются неизменных условий человеческого существования, бедственного положения человека в земной юдоли.

В Новое время появляются новые вопросы, потому что неправильно устроенная душа нового человека неправильно реагирует на вечные вопросы.

И вечные, и новые вопросы интеллектуально и духовно разрешимы. На них можно дать верный ответ. Однако в Новое время верные ответы не меняют положение вещей. Все остается как есть, и в этом смысле вопросы остаются нерешенными. Говоря иначе: наше положение безвыходное, но понятное.

² О самооткровении личности см. лекцию Эриха Фогелена «Структуры сознания» (Йоркский университет в Торонто, 22 ноября 1978 года).[6, P. 351-353]

Вкратце перечислим основные типы вопросов по их предмету:

Нравственные – самые прямые. На них отвечают исполнением заповеди.

Политические – на них мы отвечаем ради других. Тут мы говорим не о подробностях политической системы обмана и насилия. Политическая форма нас интересует как часть полноты человеческого существования в обществе в тот или иной исторический момент.

О человеке – вопросы о сущности человека. Кто и каков он? В какое время он живет и какое время создает? Каковы неизменные условия человеческого существования и исторические реакции на эти условия?

Религиозные – все указанные выше вопросы находят разрешение в истинной вере, твердой надежде и любви.

По их строению вопросы можно разделить на следующие типы:

Простые – человечество призвано отвечать не на специальные вопросы, даже не на технически православные. Чтобы дать верный ответ Богу, не надо быть историком Церкви, богословом или философом.³

Непростые –

Вопросы по многим дисциплинам – обычно возникают не такие простые вопросы: «Где истинная Церковь?», «Еретик ли профессор Осипов?». Вопрос чаще всего состоит из многих частных вопросов, хотя это бывает трудно заметить.

Объясняем, как появилось недолжное – сложность в том, что мы перед лицом Истины рассуждаем о том, чего быть не должно.

Объясняем факты, но факты неясны в своем существе.

Вопросы и ответы, о которых мы говорим, частное предприятие. Судьба человека не поглощается судьбой народа, человечества.

Верные ответы дают не все, а самые чистые: «люди на все времена». Они отвечают ради Бога, из бескорыстной любви к Истине. Готовность ответить: «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой» (1 Царств. 3:9), – и есть эта любовь.

Мудрость, честность и мужество требуются и для того, чтобы принять ответы как истинные.

Решиться ответить и согласиться с верным ответом: и то, и другое болезненно, потому что так Бог совершает суд над человеком и человечеством. Человеку страшен этот суд. Он испытывает мучение, горечь, и толь-

³ «Всем общи: Закон, Пророки, Заветы, слова Заветов, благодать, детовождение, совершенство, страдания Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелия, раздаяние Духа, вера, надежда, любовь как к Богу, так и Божия. И дары эти – не так, как древле дар манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не в меру, но каждому, сколько хочет. Таковы же: восхождение, озарение, малое еще здесь, а яснейшее в чаемой будущности, таково и то, что всего важнее: познание Отца и Сына и Святаго Духа, и исповедание первой нашей надежды. Что выше этого и что более обще? За этим же следующее, хотя выше ценится по редкости, но касательно необходимости занимает второе место. Ибо без чего нельзя быть Христианином, то полезнее доступного немногим».[7, С. 475]

ко после этого – радость познания.⁴ Познание радостно, потому что поиск окончен: ты нашел Того, Кто выносит праведный суд о тебе, и предстоишь пред Ним.

Идеологи и модернисты тоже слышат вопросы нашего времени, то есть времени Отступления. Не предстоя пред Богом, они анализируют наше время и положение человека и делают это иногда весьма проникательно, как Гегель, Маркс, Ницше или Достоевский. Они могут оценивать Отступление от Бога как кризис, конец цивилизации или как начало новой эры.

Так нам становится понятной история развращенного человечества, история Отступления, когда люди уже знают ответы на вопросы.

Что же у идеологов неверно?

Во-первых, отказ отвечать, уход от преследования.

Идеологии прямо запрещают отвечать на самые существенные вопросы. Вместо этого идеологов зачастую волнуют несущественные, выдуманые ими вопросы: такие, как «Что делать?» у Чернышевского и Ленина.

Вопросы жизни и смерти они понимают в практическом ключе и разрешают их в духе технологии спасения. Тем самым исключается всякая потусторонность (трансценденция).

Идеологи отвечают неискренне и неточно. Отвечают не вовремя, не тогда, когда спрашивает Бог. В самом деле, если ты в 2022 году правильно думаешь о 1613-м, то это не говорит о тебе ничего определенного.

Во-вторых, идеологи и модернисты дают неправильные ответы.

Ситуацию они всегда видят как поправимую через компромисс и насилие, то есть на теоретические вопросы пытаются давать практические ответы. В этом состоит оптимизм идеологий, когда человек ищет свободы действовать в этом мире.

Люди на все времена дают верные ответы и дают с готовностью. Человечество, возглавляемое идеологами, раз за разом не сдает экзамен. Значит, одна история складывается из верных ответов пред Лицом Божиим, другая история – из верных и неверных ответов человека перед самим собой.

Ложных ответов становится все больше, и они все более неверны, а верные ответы становятся все точнее и сложнее, хотя и не умножаются в числе. Если все вместе можно считать развитием, то только катастрофическим.⁵

⁴ «Премудрость возвышает сынов своих и поддерживает ищущих ее: любящий ее любит жизнь... Обладающий ею наследует славу, и, куда бы ни пошел, Господь благословит его; служащие ей служат Святому, и любящих ее любит Господь; послушный ей будет судить народы, и внимающий ей будет жить надежно... Сначала она пойдет с ним путями извилинами, наведет на него страх и боязнь, и будет мучить его своим водительством, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами; но потом она выйдет к нему на прямом пути и обрадует его и откроет ему тайны свои. Если он совратится с пути, она оставляет его и отдает его в руки падения его» (Сир. 4:12-16, 18-22).

⁵ «Мир идет к совершенству. Идет; но на пути встречает потоп, пожар Содома, разрушение Иерусалима, гонение на Христианство, и наконец, времена антихриста». [8, С. 395]

Итак, история человечества есть своего рода рассуждение, все более точное и подробное разделение, проясняющее то, насколько ты соответствуешь образцу человечества и правилу веры: насколько ты человек и насколько христианин.

В качестве примера одного из исторических вопросов я намерен взять сергианство, то есть неправильный ответ на вопрос об отношении Церкви к безбожной власти. Он был дан в Декларации митр. Сергия (Страгородского) 1927 года и в вытекающих из нее решений и самооправданий.

В 1920-30-е годы русским православным нужно было ответить на один частный, местный, узко конфессиональный и юрисдикционный вопрос: об обновленчестве и сергианстве.

Странно, если вдуматься, что решающим стал вопрос частный, исторически локализованный. И все же ответы именно на этот вопрос разделили христиан на православных и неправославных.

Вопрос о сергианстве не простой: в нем соединились вопросы политические, идеологические с вероучительными, а точнее – компромисс с идеологической политикой и специфическое модернистское учение о спасении.[9]

Точнее и глубже всех определил сергианство сщмч. Виктор (Островидов). Он считал, что Декларация митр. Сергия (Страгородского) была выражением веры митрополита в светское самосовершенствование человека.

Сщмч. Виктор писал:

Не имея в себе достаточно силы принять тайну Христова пришествия в мир, как точно определенное историческое дело Божьего спасения человека, как известный момент, цена которого в нем самом, как таковом, – новые богословы усиливаются осмыслить Христианство другим путем, а именно путем приспособления отдельных догматов Христианского вероучения к духовной жизни человека. Вместо того, чтобы твердо и смело судить всю настоящую жизнь истиной учения о совершенном Божием спасении мира, они осмысливают эту истину ее возможной пригодностью, полезностью для жизни человека...

Человек снова возвращается на путь естественного мышления и еще только «возможности» своего спасения, и в муках отчаяния снова вопиет к Небу словами апостола Павла: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти».[10, С. 382-383]

В 1928 году сщмч. Виктор отвечал на следствии:

«Воззвание»⁶ есть удаление от истины Спасения. Оно смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация...

⁶ То есть Декларация 1927 года. – В.Р.

По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице Митрополита Сергия и известного Антония Храповицкого еще в 1912 году, предупреждая, что они этим своим ЗАБЛУЖДЕНИЕМ ПОТРЯСУТ⁷ Церковь Православную.[11, С. 142]

Итак, мы видим, что происходит. Уже в 1912 году было понято, что такое сергианство, но об этом никто не захотел узнать ни в 1912-м, ни в 1928-м годах, а значит, в силе остается неправильный ответ, данный некогда митр. Сергием.

Сегодня неверный ответ об отношении к безбожной власти невозможно исправить, потому что этот ответ вытекает из неверного учения о спасении, которое не только не осуждено, но и торжествует под именем Православия. Мы видим, как частный вопрос становится существенным для спасения, потому что не решен вопрос вечный.

Неправильный ответ 1927 года привел ко многим и ужасным последствиям, вопиющим к небу. Сергиане предали Новомучеников, объявляли их раскольниками и врагами государства. И по сей день не прекращаются лживые самооправдания в сочетании с бесстыдной похвальбой «спасших Церковь». Без сергианства не было бы экуменизма, не было бы расцвета модернизма после падения СССР и т. п.

Модернизм и экуменизм всеми силами поддерживают ложь сергианства и перекладывают вину за раскол на тех, кто отвергает сергианство, модернизм и экуменизм.

Ложь заразила несколько поколений православных христиан, исказила духовную жизнь даже противников своих. Это будет продолжаться, пока митр. Сергия почитают как мудрого старца и кормчего, который

сохранил в тяжелейшие годы Церковь, провел ее через бури, треволения и испытания к моменту восстановления Патриаршества.[12]

Что же происходит с православными?

Они не слышат слова сщмч. Виктора, что в Церковь вошли неверующие, а не слышат они, потому что научились не видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Этому их научили несколько поколений сергиан.

Бедственное положение человека как источник всех вопросов

Существенные вопросы возникают по ходу истории там, где человек сталкивается с неизменными, устроенными Богом условиями человеческого существования. Бедность, болезнь, смерть и равенство в этих состояниях: таковы общие для всех условия.

⁷ Выделено сщмч. Виктором. – В.Р.

Мы сказали, что это вопросы Божественные, не вызовы времени, а вызовы вне времени. От них невозможно уклониться. На них необходимо вовремя дать правильный ответ. Единство человечества мы наблюдаем в том, что вопросы обращены ко всем безразлично. То, что неизменно (миропорядок, природа человека), соединяется здесь с историей.

Под историей, в таком случае, мы понимаем не сочетания событий, случайных или, напротив, закономерных с экономической или социологической и т.п. точки зрения. Мы обращаемся к судьбам людей, неизбежному страданию человека в этом мире, созерцаем недостаточность и тщетность всех усилий. Бедственное положение человека в этом мире и есть та неизменная основа, на которой происходят случайные события, допускающие то или иное толкование.

На фундаментальные вопросы человек может ответить и неправильно: через уход от преследования, неискренне, не вовремя.

Главная ложь неверных ответов даже не в том, что одни считают, что можно освободить человека, а другие, что его надо растворить в народе, человечестве или в природе. Само положение человека пред Лицом Божиим не может быть перетолковано. Следовательно, абсолютно неверный ответ состоит в том, что люди хотят изменить свое неизменное положение. Ошибка совершается прежде конкретных ответов, тогда, когда нерешаемые вопросы принимают за решаемые.

Итак, тут не должно остаться никакой неясности. Христиане, идеологи и модернисты видят одну и ту же реальность и реагируют на вопросы, никем не выдуманные. Идеологи видят бедственное положение человека, а великие идеологи – даже в существенных деталях. Они достаточно честны, чтобы видеть, что вопросы неразрешимы, но из гордости считают их практически разрешимыми.

Модернизм, как одна из идеологий, тоже соприкасается с реальностью и, соответственно, максимально противопоставляет себя Православию в этой точке и предлагает человеку способы самоспасения.

Все условия человеческого существования создают напряжение разных видов, когда человек честно мыслит об этих условиях. Мы не отказываем, как видите, в этом и модернистам.

В самом общем плане можно сказать, что напряжение возникает между желаемым, то есть кажущейся свободой делать что угодно, и действительным, то есть духовной, физической и общественной несвободой человека.

Под напряжением я имею в виду несоответствие между тремя явлениями:

1. неизменными условиями человеческого существования, общими для всех («Сильнии и младии умирают»[13, С. 166]),
2. несбыточной мечтой и
3. её реальными гибельными последствиями.

Философ Клаус Вондунг[14, Р. 39-41] обнаруживает следующие типы напряжения:

- Тяготение к сути бытия;
- Между недостатком и исполнением;
- Напряжение внутри времени;
- Между трансцендентной истиной и конкретным политическим строем;
- Между Божественной справедливостью и человеческой несправедливостью.

Мы видим, что в самом напряжении и во всех его видах нет ничего патологического. Оно возникает у всякого человека, когда он размышляет над условиями человеческого существования, понимает, что он несвободен.

Однако напряжение приводит к разным результатам у двух типов людей.

Одни не выносят напряжения и обращаются к Богу. Для этого нужны разум и мужество. В разумном сознании напряжение рождает 1) важные вопросы и 2) интерес к ним.⁸

Другие не выносят напряжения и бегут от него в область фантазий, в область светской мистики. Думая, что они живут в своем, а не в Божьем мире, идеологи и модернисты начинают решать нерешаемые проблемы и, тем самым, создают проблемы второго порядка.

Итак, мы видим два рода бедствий: общие для всех времен и созданные идеологами и модернистами.

Универсальные бедствия открыты для понимания всеми, но сами по себе непреодолимы.

Новые бедствия возникают оттого, что новые люди пытаются не только понять универсальные бедствия, но и преодолеть их.

Тогда наступает перелом в истории.

⁸ См. слово св. Иоанна Кронштадтского: «Интерес вечной блаженной жизни для нас смертных и преисполненных всякими грехами, болезнями, лишениями, скорбями и горестями людей, есть интерес величайший, несравненный, неоценимый».[15, С. 74] «Интерес вечной жизни для человека, получившего от Бога в удел бессмертную душу, есть [...] интерес величайший бесконечно выше всяких земных интересов и благ, выше всего, что дорого и высоко ценится на свете; ибо все земное скоротечно, мимолетно, как дым, как пар, как мыльный пузырь: богатство и слава, здравие и красота, царская держава и порфира и всякое великолепие земное».[15, С. 75]

Ср. письмо св. Иоанна родственникам: «Милость Божия буди с вами. Приветствую вас с новорожденными близнецами! Да сохранит всеблагий Творец мать новорожденных чад! Телеграмму вашу получил 26 Июня в 11-ть часов, до полудня, сряду после обедни в Леушинском монастыре.

Был я на родине — освятил новый деревянный в Скиту монастырском, в роще, храм.

Как вперед, так и обратно путешествуя, часто служу Литургии.

Но что же я об этом пишу? Оно для вас неинтересно. У меня путь житейский — свой, у вас — свой, совсем отличный от моего. Кому как Господь указал жить, так и живет каждый — своеобразно. — Впрочем, я вам сочувствую и сорадуюсь вам, и желаю и молю вам от Бога всякого благополучия, довольства, здоровья, мира со всеми».[16, С. 44-45]

Перелом в истории

Перелом в истории происходит около 1500 года. Наступает Новое время, время Отступления, когда люди заболевают глупостью особого рода. Теперь бедственные условия существования начинают восприниматься как греховные. Например, теперь и отдельность личности от коллектива есть грех, равно как бедность, болезнь и жизненный неуспех.⁹

Во-вторых, эти неизменно бедственные условия начинают мыслить как преодолимые через рационально рассчитанное или иррациональное действие.

Если бедствия – это грехи своего рода, то борьба с ними не простая прихоть. Преодоление их приобретает светский религиозный смысл. Избавиться от бедности или неравенства есть уже своего рода «искупление». Чтобы таким образом «искупать» грехи человечества, новый человек должен ощущать себя всемогущим, или по крайней мере соравным Богу.

Итак, Новое время отличается от предшествующих эпох не новыми видами страстей или особенным устройством человека и новыми способами управлять сознанием. Здесь все остается неизменным.

Более того, и вопросы звучат все те же и так же, как и во всей предшествующей истории.

Что именно переменялось?

Став «новым человеком», человек меняет себя и мир вокруг себя.

Раньше ответы на вечные и нерешаемые вопросы искали лишь немногие люди: Святые, философы, богословы, цари. Богословием занимались богословы, клирики служили Богу, управлением государства занималась знать, наукой – одаренные лица, искусством – мастера, а не неумехи.

Существовал и многочисленный класс людей другого рода: способных услышать то, что им говорили мудрецы. Они призваны преуспевать в искусстве чтения, понимания уже понятого.

Наконец, во все века существовал и третий род: люди негодные, то есть неспособные ответить сами или хотя бы услышать верные ответы.¹⁰

⁹ См. проницательное описание «религии успеха» у Жюльена Бенда.[17, Р. 224-225] Это описание хорошо дополняют наблюдения Макса Вебера над протестантизмом и духом капитализма. Например, Вебер указывает на прямую параллель между стремлением к накоплению сокровищ в царстве Божьем и стремлением к успеху в рамках мирской профессии.[18, С. 275]

¹⁰ См. у Аристотеля в «Никомаховой этике»:

В Новое время те же вечные вопросы как всегда стоят перед всеми. Однако теперь люди негодные уговорили людей второго рода не слушать мудрецов, а жить своим умом, а лучше всего – умом негодным.

Немногие призванные никуда не исчезли. Они по-прежнему размышляют над вечными вопросами, но их уже не слышат. Их все равно что нет.

Негодные остались негодными и как не слушали, так и не слушают мудрых и даже не подозревают об их существовании.

Перемена коснулась людей второго рода. Само существование отдельных мудрецов поставлено ими под сомнение. Ответы приходится искать самим, хотя они на это неспособны.

Больше того, именно люди среднего рода и выделяют из своей среды идеологов. Идеологи и, в частности, православные модернисты относятся к мудрецам с ревностью и ненавистью, потому что, во-первых, способны различить истинную мудрость, во-вторых, эту мудрость ненавидят, а в-третьих, потому что заняли место мудрецов в современном развращенном обществе.

Остается еще, правда, частный человек, имеющий достаточно честности, чтобы не становится идеологом, но недостаточно любящий истину, чтобы возразить идеологам.

От всего этого произошло то новое бедствие, что к решению страшных и вечных вопросов приступают все люди без различия способностей, в том числе неготовые морально. Это делает ситуацию непоправимой.

Почему сегодня не слышат голос мудрости, а если слышат, то не понимают? Всякий думает своим умом и, как ему кажется, уже знает ответ, а на самом деле усваивает лишь одно из готовых мнений.

Ситуация упростилась по сравнению с временами Гесиода. Остались два рода людей: мудрецы и глупцы, потому что глупцы объединились с теми, кто прежде мог слышать слово истины.

«Чтобы сделаться достойным слушателем [рассуждений] о прекрасном и правосудном и вообще о предметах государственной науки, нужно быть уже хорошо воспитанным в нравственном смысле. В самом деле, начало [здесь] – это то, что [дано] (to hoti), и, если это достаточно очевидно, не будет надобности еще и в «почему» (to dioti). Такой, [воспитанный, человек] или имеет начала, или легко может их приобрести. А тот, кому не дано ни того, ни другого, пусть послушает Гесиода:

Тот наилучший над всеми, кто всякое дело способен

Сам обсудить и заране предвидеть, что выйдет из дела.

Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.

Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета

В толк не берет — человек пустой и негодный».[19, С. 57-58]

Порядок в душе и порядок в обществе

Сказав, что в Новое время остались два рода людей: мудрецы и глупцы, мы открыли новый путь рассуждения.

Беспорядок и порядок в обществе – отражение беспорядка и порядка в душе людей.

Порядок в душе правителя, вообще представителей народа,¹¹ является источником порядка в обществе.

Так было долгое время, но вдруг эта связь всюду разрушается, в разных обществах, и даже в Церкви. Был один момент в 1917 году, когда порядок в душе, переживание беспорядка в обществе, невозможность передать этот порядок другим и понимание этой невозможности соединились в одной душе. Это все правильно отразилось в душе Царя-Мученика Николая, то есть Удерживающего, и нашло правильный общественно значимый ответ в его отречении от престола.

С тех пор беспорядок в обществе по-прежнему является отражением беспорядка в душе человека. Но порядок в душах более не транслируется вовне, здравый ум не оказывает влияния, христианин не организует общество вокруг себя.

Христианин не действует оздоравливающе на больное общество, но и общество на него не действует неотвратно. Если у человека порядок в душе, то ему ничто не может помешать сохранить этот порядок. Совершенно не обязательно становиться идеологом оттого, что все вокруг сошли с ума.

Христианин если и влияет на окружающих, то неувлимым или отрицательным образом, через осуждение мира, через разоблачение беспорядка в нем. Поэтому христианин опознается идеологами как враг общества.

Почему христианин выступает в этом мире как непризнанный его судья, а не просто как посторонний человек? Порядок в душе требует от христианина быть не от мира сего и все же отвечать на самые насущные вопросы, в том числе церковные, политические, нравственные. Душа судящая, о которой никто судить не может (1 Кор. 2:15), судящая, потому что имеет ум Христов – вот начало различения вещей.

Итак, на беспорядок в обществе и на то, что он непоправим, мы отвечаем двояко: овладеваем неким *искусством несогласия* и, во-вторых, учимся быть гражданами, то есть сторонниками мира в обществе. Обойтись нельзя ни без первого, ни без второго.

¹¹ См. анализ отношений правителя, дворянства и народа в «Борисе Годунове».[20, С. 309-312]

Два рода вопросов, два рода бедствий, два рода людей

К чему мы пришли на этом этапе? Мы обнаружили единство рода человеческого: Божественные вопросы обращены ко всем. Но тут же утратили это единство: люди отвечают правильно или неправильно на эти вопросы. Тем самым описали устройство мироздания. После грехопадения оно не единообразно, потому что существуют два мира:

1. Мир действительно существующий, созданный Богом. В нем мы различаем естественный и сверхъестественный порядок, творение и спасение, а в спасении различаем Царство благодати и Царство славы.¹²
2. Мир мнимый, который выдумало и создало духовно больное человечество, чтобы не видеть того, как устроен мир на самом деле.

Мы узнали две истины:

1. Порядок есть. Божественный порядок остается неизменным и владычество Бога не уменьшилось.
2. Порядка нет. В современном мире вещи и лица остались такими, как были, но теперь расположились в беспорядке, который создали новые люди по своему неразумию.

Затем мы обнаружили два рода бедствий:

1. Бедственное положение человека вообще. Творец устроил мир наилучшим образом, но человек согрешил и был проклят, и земля вместе с ним (Быт. 3:17-19).
2. Бедствия от самодеятельности нового человека, пытающегося исправить бедствия первого рода.

Отсюда вытекают и вопросы двух родов:

1. Основной вопрос человеческого существования, вопросы о неизменных условиях земной и вечной жизни человека.
2. Вопросы о тех проблемах, которые создали сами себе люди Нового времени.

Практически нерешаемы и те, и другие вопросы:

1. В мире Божиим порядок удерживается Промыслом Божиим и не нуждается в усилиях человеческих.
2. В новом мире даже христиане не могут восстановить порядок, а идеологи тем более.

Над порядком и беспорядком, над миром истинным и мнимым, над двумя родами бедствий мы продолжаем размышлять, как и наши предшественники-антимодернисты. По ходу истории – общей и частной (биографии) – проясняются все более печальные вещи. Однако сама по себе такая ясность есть благо, к которому надо стремиться.

¹² «Царствие Христово есть, во-первых, весь мир, во-вторых, все верующие на земле, в-третьих, все блаженные на небеси.

Первое называют царством природы, второе царством благодати, а третье царством славы».[21, С. 47]

В этом находит разрешение основная странность нашего времени: история кончилась, и она продолжается. История кончилась, то есть выяснилось, что идеологии не способны решить никакие проблемы: ни вечные, ни ими же созданные. Одновременно с этим продолжается работа мысли по отделению Истины от лжи.

Как Истина отделяется от лжи? Разумеется не в абстракции, потому что в области мысли истина и ложь разделены как всегда.

Если говорить о православных антимодернистах, то мы разделяемся с мнимыми собратиями: православными модернистами. Мы разделяемся с ними в вере, мысли и жизни. Да, это всего лишь одно из многих разделений, которые мы проводим, но ценно как пример.

Причины нашего разделения очень существенные и главная причина состоит не в нашем различии с идеологами и модернистами, а в нашем сходстве.

Если бы модернисты не притворялись православными христианами, если бы идеологи не изображали из себя людей, то исчезла бы причина для нашего разделения.

Идеологи и модернисты тоже видят два мира, две истины и два рода бедствий, но они их неверно различают, считая мир Божий ложным и беспорядочным (абсурдным), а мир человека истинным. Выражается это самым наглядным образом: они считают вопросы, которые ставит Бог, разрешимыми практически.

Для них – в частности, для православных модернистов – история человечества совпадает с историей спасения, то есть самоспасения. А о все большей ясности, достигаемой по ходу истории, модернисты и понятия не имеют. Они-то трудятся не над ясностью, а над все большим смешением.

Итак, идеологи, стремятся к единству и разрешению противоречий, но отделены от рода человеческого и образуют свой особый род.

Мы же считаем эти вопросы неразрешимыми в истории и ждем их разрешения от Бога, а не от своих планов и усилий. И поэтому не отделяемся от человечества.

Разделяясь с миром, мы едины с человечеством. Критикуя человечество за Отступление от Бога, отделяясь от града земного, мы сохраняем единство человечества, ведем себя как все и всегда. Наше фактическое разделение говорит о единстве, а смешение с падшим человечеством идет против единства, того единства, когда все человечество должно предстать пред Богом и отвечать на Его вопросы.

Значит, напоследок мы приходим к различению двух родов людей:

1. Ищущих радости о Боге.
2. Ищущих радости по человеку.

Или иначе:

1. Идущих путем все большей ясности и все более ясного разделения.

2. Идущих путем смещения в мысли и на деле.

Наконец:

1. Людей с разумным сознанием.
2. Людей с патологическим сознанием.

В частности, это означает, что наше время новое не только потому, что возник новый человек и, в частности, в Церковь пришел православный модернист. Также возник и антимодернист, который был бы не нужен, если бы не модернизм.

Перемена – рождение антимодерниста

Идеологи с разной степенью ясности видят и вечные проблемы, и проблемы, созданные ими самими в эпоху Отступления. Они пытаются решить их через революцию или внутреннее самоопределение, то есть изменяют либо действительность, либо свое сознание.

Так, например, православные модернисты видят проблемы Церкви: реальные и те, что были созданы самими модернистами и их отцами. Они тоже пытаются решить их через знание (гнозис) или практику (Церковную реформу).

Но ведь и антимодернизм – тоже новое явление. Он обязан Новому времени своим рождением, потому что в старое время он был не нужен.

Мы – тоже люди эпохи Отступления, и наше положение совершенно то же, что у любого нашего современника: безвыходное, но понятное.

И вот наступает время, когда преследованием инакомыслящих занимается безвластный и одинокий человек, стремящийся выступить из потока Апостасии. Христианин намеренно преследует инакомыслящих и для этого овладевает искусством преследования, «антимодернизмом» в точном смысле.

Восстановить порядок в обществе и Церкви не удастся. Ничего нельзя сделать, сказать и даже понять как следует. Ниже мы выясним, отчего это так.

Несмотря на это мы ведем диалог, задавая людям вопросы, которые их не интересуют. От этого наше преследование бесполезно, но ведет к ясности.

Наш мир есть место рассуждения, а не мир борющихся сил. Так философия у нас совпадает с историей, а история – с наукой о порядке в душе, обществе и мире. Мы внимаем прошлому и настоящему, а также готовимся правильно перейти от мысли к действию.

Вот отсюда, из этого проясненного пессимизма, рождается антимодернизм, а точнее, антимодернист.

Это нас приводит к источнику всех вопросов: к созерцаемому миру, который Бог создал наилучшим образом, и к той судьбе, которую Он уготовал человеку.

Итак, мы устанавливаем следующие положения:

- Христианин – бессильный судья этого мира.
- В этом бессилии нет вины и греха.
- Модернисты считают это бессилие грехом. Они обвиняют в бессилии лично православных христиан, а также Православную Церковь и Христианское государство, хотя его уже нет, а Церковь никого не судит.
- Антимодернисты такие же люди, как все, а модернисты – особые, отдельные от человечества.
- Истина и вера сильнее всего, но в мире господствует неразумие и воля к власти.

Из сказанного вытекает еще один важный вывод:

- Упорядоченная душа – это инструмент для суда над миром.

В следующей главе мы предложим краткое описание этого странного мира.

Итоги 2022

Мы живем во все более странном мире, и положение христиан в нем все более и более странное.

К настоящему времени на сайтах «Антимодернизм» и «Два града» мы собрали много устрашающих фактов, описывающих это странное положение. Теперь попробуем свести факты к простой и обозримой картине, применив к ней соображения из главы «Два рода вопросов, два рода бедствий, два рода людей».

Основные соображения

Еще раз перечислим основные соображения:

1. История есть цепь Божественных вопросов к человеку.
2. История кончилась, так как новое человечество неправильно ответило на основные вопросы человеческого существования.
3. История идет ко все большей ясности. Христиане всё лучше слышат вопросы, всё лучше понимают, почему они нерешаемы.
4. История идет ко все большему смешению. К смешению ее приводит новый человек, который
 - a) слышит неразрешимые вопросы, задаваемые человечеству,
 - b) способен их сформулировать,
 - c) но при этом считает разрешимыми
 - d) и практически решает их.¹³

Тезис о смешении следует разъяснить точнее.

Новые люди подчинены естественному порядку, установленному и подерживаемому Христом. Они отказываются ему подчиняться и заводят свои порядки (беспорядки) в обществе и мире. Они пытаются исправить непоправимое, решить нерешаемое, дают неправильные ответы и создают новые проблемы.

В этом следует видеть бунт против Творца и претензию на овладение своим существованием. В окончательном мифе Нового времени познаю-

¹³ «Кирпичи пали – построим из тесаного камня; сикоморы вырублены – заменим их кедрами» (Ис. 9:10).

ший субъект окончательно утверждает свою власть над предметом познания, сам восхищая свою абсолютную свободу.[22, Р. 266-269] Таков окончательно и непоправимо неправильный ответ на основной вопрос человеческого существования. И все это происходит из-за духовной слепоты, которая есть средоточие всех духовных болезней.

От общих соображений перейдем к истории последних 100 лет.

Что произошло?

Здесь мы видим, что в 1917 году был отъят Удерживающий от среды (2 Фес. 2:7). Это событие готовили в предыдущие столетия идеологи Русского освободительного движения, которые привели Россию в XX век, век победивших идеологий.

На сегодняшний день идеологии прошли свой путь до самого конца. Во всем мире они решили свои утопические проблемы, выполнили свою главную задачу.[23]

Государства больше нигде нет. Православная Церковь, лишившись защиты со стороны православного царства, утратила власть учительства. Связь одного с другим теоретически не очевидна, а фактически стала видна очень ясно.

Уничтожены: политика как государственная дружба, разумный диалог в обществе, традиционная семья. Власть в Церкви захватили модернисты и решили проблемы, поставленные ими самими: привлекли в Церковь интеллигентов, соединили священника с приходом, а Церковь – с развращенным обществом и т.д и т.п.¹⁴

Сегодня у революционеров и модернистов не решены лишь некоторые частные проблемы, такие как свержение Александра Лукашенко в Белоруссии или нашего российского строя. Но это задачи совсем другого порядка, чем свержение монархии и извращение Православия. Их можно решать между делом.

Почему произошли эти события?

Почему произошли все эти события, начиная с отъятия Удерживающего?

Удерживающий был отнят, потому что люди потеряли порядок в душе, причем не все люди, а строго определенные, пусть и многочисленные. Следовательно, тот, у кого этот порядок есть, и сегодня может восходить к пониманию, как мы это видим на примере святых и праведников XX века.

¹⁴ См. программу реформ.[24]

Вникая в то, из чего состоит порядок и современный беспорядок, мы видим, что идеологии сначала сделали мир непонятным. Мир стал непонятным, потому что идеологи закрыли глаза на существенные его области. Они сделали невидимыми те области реальности, которые показались им страшными. Далее, этот усеченный мир снова делается понятным: идеологии предложили свои объяснения, которые до поры были очень убедительными и авторитетными.

Теперь рассмотрим по порядку эти стадии смещения.

Мир стал непонятен

Мы говорили о вопросах к человечеству как о вызовах не времени, а вызовах вне времени.¹⁵ Эти вопросы звучат и сегодня, однако наше время отличается тем, что, хотя есть отвечающие на эти вопросы, они никому не видны. Люди с порядком в душе: художники, мудрецы, даже политики, — все они есть. Но теперь их порядок в душе социально бездейственен. Он не меняет общество.

Мудрецы могли бы вносить порядок в общество, например, обсуждая политические предметы, но обсуждать не с кем. К тому же в общественном пространстве нет языка, на котором можно было бы говорить разумно.

И такое положение установилось давно, с нач. XIX века. Свт. Филарет Московский мог ответить на любой вопрос о времени, политике и истории, если бы его спросили, но его не спрашивали. Он говорил об этом, но не был услышан.

В сочинениях свт. Филарета внимательное чтение может обнаружить ответы на следующие вопросы:

- что такое государство,
- в какое время мы живем,
- что такое народ,
- что такое демократия,
- какова роль Церкви, если государства больше нет,
- что такое государство без царя,
- что такое новая наука и реформированное Христианство?

Но многие ли прочли его внимательно?

Более того, когда наступает общественный беспорядок, мудрецы становятся врагами развращенного общества и модернистской Церкви, потому что являются носителями высшей истины, как нам показывает пример Новомучеников Российских. Они говорят страшные и понятные вещи в мире, где нет понимающих.

¹⁵ См. главу «История как цепь вопросов».

Мир стал непонятен без Удерживающего

Без Удерживающего мир стал непонятен,[4] потому что государство объясняло мир самим своим порядком. Государство соответствовало Божественному порядку, то есть тому единственному, что человек может понять умом, и этот ум – один у всех.¹⁶

Богооткровенное знание о сверхъестественном Порядке хранится только в Церкви, и для него нужен не просто ум, а ум Христов (1 Кор. 2:16). Ее откровенное учение: о Боге и о спасении, а не о мире, порядок в котором очевиден для всех (Рим. 1:19-20).

Люди отказываются постигать очевидный Божественный миропорядок. Новые люди утрачивают общий всем ум и приобретают отдельный, **свой**, ум,¹⁷ а им, конечно, ничего нельзя познать как следует.¹⁸ Вместо понятного мира, новые люди создают свой, непонятный, и вносят его в Церковь, если становятся лжехристианами.

Православная Церковь не может объяснить этот непонятный мир, и не стремится к этому. Зло, то есть грех, непостижимо. Когда в Новое время Церковь говорит, что мир и человек стали непостижимы, ее объяснения не слушают.

Закрыта часть мира

В каком отношении новый мир стал непонятен?

Непонятность мира произошла оттого, что люди отказываются видеть существенную его часть. Какую часть? Они отказываются соглашаться со своим бедственным уделом на земле и со своим беспомощным положением пред Богом. Идеологи, а в Церкви – модернисты, видят это положение и удел, но считают его поправимым и начинают поправлять, решая нерешаемые проблемы.

Идеологи закрывают часть реальности для себя. Для идеологов невыносимо присутствие в обществе людей зрячих, и из этого вытекает необходимость закрыть реальность для всех других. Итак, у нас возникает мир не только усеченный, но и демонически закрытый, то есть такой, в котором человек может свободно выполнять волю бесовскую.

¹⁶ «Здравый рассудок – у всех общий» (Гераклит).[25, С. 198]

¹⁷ «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44). См. также: «Я верю, что только от Тебя могу говорить истину, когда Ты мне внушишь ее; так как Ты Сам „истина, всяк же человек ложь“ (Ин. 14:6; Пс. 115; Рим. 3:4), и потому, „егда“ кто „глаголет лжу, от своих глаголет“ (Ин. 8:44).[26, С. 427]

¹⁸ «Должно следовать общему, но хотя разум общ, большинство живет так, как если бы у них был особенный рассудок» (Гераклит).[25, С. 197–198]

Далее наступает разделение, когда одни согласны жить по воле идеологов, а другие не согласны.

Частный человек соглашается не видеть часть действительности и согласен с объяснениями идеологов, почему ее видеть не следует.

Тем самым новый человек, в обеих его ипостасях: 1) идеолога и 2) частного человека, дал неверный ответ на вопросы: основной вопрос человеческого существования и об условиях существования. Ответ дан, и поэтому история кончилась. Мир стал непонятен, потом урезан и закрыт, и снова сделан понятным соответственно той или иной идеологии.

Возникает развращенное общество, которое закрыто для вразумлений. Закрытость и сужение духовного горизонта губительны для развращенного общества, но в то же время необходимы для его дальнейшего существования.

Практика

Идеолог, описывая человека, самосоздавая себя, видит человека не таким, каков он есть. Он видит и рисует не целого человека, не всего человека, а только одну из сторон. И главная частичность, калечество человека – это разговоры о действии, «в начале было Дело», [27, С. 73] и погружение в мир фактов.

Сквозь свои идеологические очки идеолог видит только практическое всемогущество человека, а в окружающей действительности – только то, что поправимо человеческими силами.

Вот поэтому мир стал непонятен: на существенные вопросы больше нет ответов. На самые важные вопросы можно ответить только теоретически, а ищут ответа практического, рассматривают вопросы как практически (но не теоретически) решаемые.

Если теоретические вопросы и всплывают в патологической речи идеологов, то только когда о них предлагают не думать: ведь все это вопросы «схоластические», «рационалистические», «юридические», «*всего лишь* теоретические», «абстрактные».

Тогда даже Христианство становится религией самосовершенствования, мнимо понятного и якобы доступного всем без исключения. Такое новое христианство несет «благую» весть злодеям, злодействующим злодейски (Ис. 24:16): «Если мы все исправимся, то и мир исправится». Так идеологи-модернисты предлагают решить ту проблему, что порядок в развращенном обществе невосстановим.

Победа над страхом

Мы подчеркивали, что идеологии нужны новому человеку. Модернизм необходим современному православному человеку.

Польза от идеологий в разращенном обществе – значительная. Например, они делают все возможное, чтобы спастись самим и спасти других от страхов. А новый человек боится очень многого, и действительного, и не действительного.

В истории звучат не просто вопросы, а вопросы страшные, опасные. Они страшны по своему предмету: в них Бог спрашивает о тебе самом, о твоей вечной участи. Поэтому идеологи разработали сложную стратегию «ухода от преследования», то есть уклонения от страшных вопросов.

Но страшно и оставить эти вопросы непонятными и неотвеченными. Поэтому, как мы говорили, идеологи закрывают те области мироздания и духовного мира, которые показались им страшными, и оставляют только то, что не страшно. Они предлагают не думать о Боге как Судии и Промыслителе, о смерти и о естественной необходимости.[28, Р. 29-30]

Нас не удивит, что страхи, пугающие нового человека, тоже двух родов, как и бедствия.

Один страх – страх Божий – является необходимым для любви к Богу. От страха Божия происходит интерес к страшным вопросам и мужество искать на них ответы. Если сказать совсем просто, то страх Божий вызывает желание пойти и посмотреть, как обстоят дела на самом деле, хотя бы положение человека и было таким бедственным, как мы говорили.

Другие страхи возникают в Новое время. Их внушают людям сами идеологи, а точнее, делают людей беззащитными и принуждают их обращаться за помощью к людям, а не к Богу. Они сначала убоялись сами, а затем напугали других страхами, «идеже не бе страх» (Пс. 13:5).

Сомнение и страх перед неподвластным человеку абсолютизмом действительности находят свое разрешение в идеологических мифах.[22, Р. 266-269] В больном сознании страхи рождают так называемые «мифы заботы» (myths of concern),[29] и прежде всего, окончательный миф Нового времени.

В результате, возникает беспорядок, нужный идеологам и модернистам. Проблема страха как бы спрятана внутри беспорядка. Она решена так, что теперь все страшно и все нестрашно.

Мы хорошо знаем эту проблематику на примере православных модернистов, которые решали вопрос о религиозном страхе.

Страх Божий является для модернистов совсем не страшным.

— «Бояться Бога не значит страшиться Его».[30, С. 995]

— Евангелие – «не книга грозного Божиего суда, требований Господних».[30, С. 998]

В крайнем случае, страх Божий объявляется уделом язычества и ветхозаветной религии.

— До Христа «Бог Ветхого Завета, Бог древних религий был Богом непостижимым, Богом страшным и, в Его святости, Богом недоступным».[31, С. 71]

Оно и понятно, ведь модернизм убеждает своих последователей в том, что — «Бог никого не наказывает».[32]

— «Бог не наказывает, а помогает человечеству».[33]

— «Бог не наказывает грешника, как судья наказывает преступника».[34, С. 61]

— «Бог не наказывает за преступление».[35]

— «Бог никого не наказывает».[36]

— «Бог никому не мстит, никого не наказывает».[37]

— «Господь не награждает за добродетели и не наказывает за грех».[38]

— «Бог не учит и не наказывает, но любит».[39]

— «Бог никого не наказывает».[40, С. 61]

Однако бедственное положение человека в мире должно, казалось бы, наводить на мысль о наказании? Это видят все, кроме модернистов. Для них беды человека никогда не бывают наказанием, а только естественными следствиями его жизни, естественно преодолеваемыми человеческими же силами. «Господь не наказывает и не награждает», – согласно проф. Осипову. Не беда, человек сам себя может наградить вечной жизнью, согласно тому же профессору.

— «Несчастья — это не наказания Божьи, но, прежде всего, естественные последствия нравственных (видимых) и духовных (скрытых в сердце) грехов».[41, С. 16]

— «Те беды, которые посылаются нам, вовсе не наказание, а средство врачумления, горькое, но необходимое лекарство в борьбе с грехом».[42]

— «Бог не наказывает несчастьем».[43]

А как же, вы спросите, ад и вечные муки? Даже их модернисты лишают наказательной силы.

— «Ад – не наказание, ибо „Бог милости, и щедрот, и человеколюбия“ никого не наказывает».[44, С. 14]

— «Ад – не наказание».[45]

— Адский «огонь – не наказание и не возмездие, а необходимое испытание».[46, С. 230]

— «Вечная мука – не наказание».[47]

— «Ад есть не наказание, а онтологическое следствие самоопределения человека».[48, С. 38]

— «Бог никого не наказывает: рай там или ад».[49]

Если Бог никого не наказывает, то Церковь тем более лишена власти кого-либо наказывать. Это, якобы, только у католиков инквизиция преследовала ина-

комыслящих, а Православная Церковь никого не наказывает даже за прямые грехи.

— «Церковь никого не наказывает и никому не мстит, тем более посмертно».[50]

Но в Церкви, кажется, есть все-таки канонические наказания? Они носят лишь педагогический характер.

— «Налагаемая духовником епитимия является не наказанием для очищения, но средством исцеления».[51, С. 20]

— «Епитимья – не наказание».[47]

Итак, мы видим, что для модернистов невыносима сама мысль о том, что кто-то кого-то может наказать. Соответственно, христианское государство, непременно кого-то карающее, представляется в виде антихриста, как у старообрядцев.

Бог не только не наказывает, но и вообще не судит, как учит модернизм. Возьмем лишь наиболее яркие выражения.

— «Бог – это не судья, не карающий палач».[41, С. 82]

— «Господь не судит человека, а человек судит себя сам».[52]

— «Бог не судит этот мир, Бог его спасает».[53]

— «Не судья Он наш, а Отец».[53]

— «Образ Бога-Любви нередко затемняется в глазах верующих, и на его месте оказывается образ Бога-Судии, Бога-Карателя, „справедливого“ Бога, воздающего каждому по заслугам».[54, С. 312]

— «Православному христианину чуждо представление о Боге-карателе, Который по справедливости должен был бы погубить всех людей после того, как они уклонились в грех, и лишь по милости спасает некоторых».[50]

Если не судит и Сам Бог, то, конечно, и Церковь никого и ни о чем не судит.

— «Церковь не судит „внешних“».[55]

— «Церковь не принимает на себя роли судьи, Церковь не судит, а принимает исповедь и покаяние».[56, С. 41]

— «Церковь не судит никакого человека, будь он чиновник или преступник».[57]

Вслед за Церковью не должны судить и православные христиане:

Не одобряю судилища над девчонками из панк-группы Pussy Riot. Не наказывать их надо было, а простить, отпустить и компенсировать ущерб, нанесенный за время преследования. Громкими процессами не укрепить авторитета ни Церкви, ни людей, от ее лица создавших такой прецедент. Видимо, в прецеденте-то все и дело, кому-то хотелось его создать. Воздержусь от более жестких высказываний.[58]

Мы разобрали на примерах, как модернисты спасают от страха тех, кто готов их слушать. Наверно, их слушатели благодарны за то, что их освободит

дили от таких душевных страданий, как страх суда и наказания. Этому же служат и другие примеры и концепты, например, учение о всеобщем спасении, да буквально все соображения модернистов ведут к бесстрашию. Другое дело, что эти уверения действуют лишь временно, пока та или иная идеология владеет умами.

Чудесное спасение от страха Божия не остается без ужасных последствий. Человек получает взамен множество других страхов, которых у него прежде, пока он был христианином, не было. Все это сказывается на общественной и церковной жизни самым катастрофическим образом. К этим последствиям мы и перейдем в следующей главе.

Что знают идеологи?

Итак, нам стало ясно, что произошло (см. главу «Итоги 2022»). Это позволит далее описать, как новые люди – идеологи и модернисты – решают нерешаемые проблемы, в том числе ими самими созданные.

В своей политике идеологи руководствуются тем, что они знают и не знают.¹⁹ За счет этого часть общественных несчастий происходит от вечных проблем: повреждения души человека после проклятия Богом Адама и его потомков. Другая часть создана самими идеологами, желающими преодолеть вечные проблемы своими силами.

Например, они видят, что современный человек прохудился. Он разгерметизировался, оказался открыт всем идеологическим ветрам. В ответ на это идеологи пытаются заткнуть дыры, «ответить на вызовы времени», как говорится. Однако сделать это не так-то просто.

Новый человек – не целый. «Весь человек» идеологий – именно не весь. Он видит только часть мира, а существенная часть от него скрыта идеологами. И вот этот урезанный мир идеологи имеют власть выдавать за целое, обрубок за весь мир.

Мы не откажем идеологам в желании обратиться к человеку целиком. Идеологи видят частичность человека и не считают ее нормальной. Они обращаются к тому главному, что видят в себе: к человеку как деятелю, демиургу, строителю, восстановителю и спасителю себя, людей и мира. Вот откуда такой высокий престиж технологии, науки, культуры, развлечений, культ гениев и лидеров, религиозных реформаторов вроде о. Александра Шмемана.

Итак, во-первых, идеологи определяют в человеке нечто, что считают главным. Во-вторых, единство нового усеченного мира достигается и тем, что все его области обнимает собой политика. Все стороны современ-

¹⁹ «Что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя» (Иуд. 1:10).

ной жизни являются политическими. Политика требовала в свою собственность всего человека в марксизме, а сегодня – в либерализме.

Современное государство требует всего человека, и поэтому соперничает с истинной Церковью, как мы видим на примере подвига Новомучеников и исповедников Российских в их борьбе с обновленцами и сергианами.

А с ложной церковью идеологии не соперничают, потому что ложная церковь лишь частично захватывает человека. Идеологи видят, что модернисты отделены от рода человеческого, образуют свой особый род, и за счет этого не опасны.

Последствия для государства

Строители государств нового типа дают практические ответы на вечные вопросы. Ответы у них получаются ложные, но не вредные, ведь теперь ложь как бы не мешает, а помогает достигать намеченных целей. От этого и интеллектуальная нечестность не кажется особенно страшной.

В Новое время на первый план вышли две основные проблемы: сохранение жизни и спасение от отчаяния. Эти проблемы – специфические для нового человека и не стояли так остро в предшествующие века. Почему? Во-первых, потому что люди перестали понимать друг друга.

Разумный диалог исчез не сам собой, а по повелению тех же идеологов, потому что в диалоге всплывали неприятные вопросы, на которые у идеологов нет ответа.

Если бы люди умели вести диалог, они бы договорились с соседом. При запрете на взаимопонимание, ты можешь судить о соседе только по себе, а про себя новый человек знает, что он вор и убийца.

Если бы они могли размышлять в своей душе, то договорились бы сами с собой. Но нет же! Новые люди, как мы выше говорили, живут своим частным, отдельным, и потому всегда ложным умом.

«Всяк же человек ложь» (Пс. 115; Рим. 3:4), и потому, «егда» кто «глаголет лжу, от своих глаголет» (Ин. 8:44).[26, С. 427]

Сами по себе эти проблемы неразрешимы. Если диалога нет, то его нет. Если человек не может беседовать в душе своей, то не может, и точка. В результате, в обществе идет война всех против всех, а человек одинок и несчастен.

Идеологи веками искали выход из этого неприятного положения и нашли его. Они создали новое государство, силой и обманом установили в нем ложное единомыслие.

Чтобы люди не съели друг друга, приходит на помощь малый порядок или Левиафан, как его назвал Томас Гоббс. Так больному человечеству прописывают лечение, которое хуже болезни.

Идеологи создают новое государство, которое не соответствует Божественному порядку, и поэтому уже не может быть понято. Оно совсем не похоже на нормальное государство. Оно не похоже вообще ни на что созданное и учрежденное Богом, однако аналогично устройству нового человека.

Замену взаимопониманию находят в ложном единомыслии и в патологической речи, служащей для выражения такого единомыслия. Здесь пригодилось и развлечение, которое позволяет человеку не думать о его бедственном положении.

Без государства мир стал непонятен? Ничего страшного: теперь все объясняет малый порядок.

Малый порядок – символ целостности усеченного мира. Этот порядок понятен: он объясняет сам себя, как созданный при соучастии людей и доступный для исправления и совершенствования.

Малый порядок заменяет новому человеку ум и делает это с помощью идеологий. Малый порядок делает человека неподсудным Богу и подсудным голосу толпы, черни.

Итак, недостаток новых государств не в том, что плохи отдельные люди, которые совершают те или иные неверные поступки. Плох новый порядок, а точнее – беспорядок, имеющий вид порядка. А если говорить совсем точно, то новое государство не представляет даже видимости порядка, а просто все сговорились делать вид, что какой-то порядок есть.

Последствия для Церкви

Наряду с созданием новых государств идеологи решили дополнительно облагодетельствовать человечество, освободив его от легкого ига веры. Эту работу взяли на себя не политики, а православные модернисты.

Я не стану перечислять все проблемы Церкви, которые вытекают из того, что страшные вопросы решаются в ней не верой и разумом, а практически. В свое время я попробовал дать краткое описание проблем Церкви в книге «Лейбниц, Гоббс, Паскаль».[59, С. 128-150] Здесь скажем самое важное.

Проблемы в Церкви – двух родов, как и в государстве. Часть несчастий Русской Церкви происходит от того, что вечные проблемы хотят решить практически, своими силами. От этого возникают дополнительные проблемы, когда модернисты преодолевают эти вечные проблемы своими силами и сообразительностью.

В Церкви люди подчинены естественному порядку, и все сказанное выше о новом государстве относится и к православным модернистам. Но, разумеется, в Церкви христиане подчинены еще и сверхъестественному порядку.

Модернисты – то есть идеологи, проникшие в Церковь, – отказываются подчиняться и естественному, и сверхъестественному порядку. Тогда они остаются один на один с двумя кардинальными проблемами, преследующими человека Нового времени: сохранение жизни и избавление от отчаяния.

Итак, возникли реальные проблемы. Модернисты, засучив рукава, подступают к их решению:

Сохранение жизни – Новое православие учит тому, как выжить в развращенном обществе. Сергианство было одним из таких учений.

Избавление от отчаяния – Новое Православие избавляет от отчаяния, устраняя страх Божий (см. выше) и позволяя развлечение.

Тактика здесь удивительно напоминает приемы идеологов.

Прежде всего, модернизм резко ограничивает кругозор, закрывая от человека часть духовного мира.

Какую часть?

В мире, где совершаются суды Божии, модернисты разрешают видеть только то, что поправимо человеческими силами. На отвлеченные вопросы предлагают реагировать практически и инстинктивно: «Есть проблема, значит есть и решение проблемы». Это уже серьезное усечение действительности. Модернисты закрывают глаза и на то, что их собственные действия по улучшению Церкви и мира создают дополнительный беспорядок.

Модернисты считают бедственное положение человечества поправимым. Поэтому они не готовят людей к смерти в Боге, а учат их так устраиваться в развращенном обществе, чтобы в нем можно было жить «церковной жизнью».

Советы православных модернистов светские и по-светски эффективные, но духовно губительные: церковные развлечения, управление сознанием через тренинги и психологическое консультирование, *совместная жизнь* в разных вариантах: от «возрождения приходской жизни» до приходских пикников...

Я еще раз хочу подчеркнуть, что модернисты, как идеологи, видят реальные проблемы. Они сталкиваются с реальностью точно так же, как любой человек, но почему-то не способны извлечь разумные уроки.

Например, они прекрасно видят, что современное государство не защищает Церковь от ереси и раскола. Но одни модернисты думают, что сами прекрасно справятся с инакомыслием через пропаганду. А другие считают, что с инакомыслием не нужно бороться вообще. Не случайно ведь экуменизм расцвел немедленно после отъятия Удерживающего (1920 год).²⁰ Экуменизм был и остается неверной реакцией на духовное безвластие Церкви, лишенной государственного покровительства.

²⁰ Окружное послание Константинопольского Патриархата «Церквам Христа, везде сущим» (январь 1920).

Или возьмем один из самых «ужасных» грехов, в котором модернисты обвиняют Церковь: она не играет мирской роли в развращенном обществе.

Вместо того, чтобы смириться с тем, что Церковь утратила влияние, и понять, почему так произошло, модернисты устремляются к практическим делам, чтобы это исправить. Модернисты считают, что решить эту проблему довольно просто: достаточно, чтобы монастыри, приходы, епархии, центральный аппарат Московской Патриархии занялись какой-либо улучшающей мир деятельностью: борьбой с наркоманией, помощью престарелым или слепым.

Церковь политически не влиятельна? Решение находят то в аполитичности, то в компромиссе с правящей или с революционной идеологией.

Церковь больше не является нравственным авторитетом в обществе? Здесь выходом оказывается отказ от морального суждения («Бог никого не судит, Церковь никого не судит, христианин никого не судит») или, скажем, социальное христианство, которое рассматривает нравственность как социальную норму, а не добродетель.

Мир необычайно усложнился за счет научной и технической революции. Всё это создает множество непредвиденных случаев, вопросов, на которые у Церкви ответы либо уже есть, либо сами вопросы несущественные и не заслуживают ответа. Модернисты не готовы с этим согласиться, и энергично имитируют интеллектуальную деятельность, изображая из себя апологетов.

«Непонятный язык» — еще один из «грехов» Православной Церкви. При чем речь идет не только о церковно-славянском языке богослужения, но и об «устаревшем», «схоластическом», «школьном» языке богословия. Модернисты считают и эту беду поправимой: надо сообщать развращенному обществу то, что ему понятно, то есть приятное и уже известное из повседневной жизни.

Приведу лишь два свежих примера:

Когда мы придумываем какую-то структуру, ее догматизируем и стараемся всех подогнать под этот формат, это неправильно. Важнее искать те направления, которые интересны ребятам. Они хотели заниматься спортом, и мы им занимались. Они заинтересовались историей, и мы стали ее изучать. Дальше сложилось так, что часть ребят продолжила спортивные занятия, а другая сконцентрировалась на проведении различных акций и мероприятий. Главное, что мы заговорили с молодежью о Православии на понятном для нее языке, и это оказалось востребованным.[60]

Фильм «Фаддей» — это обращение к зрителю на современном языке. Стремление быть понятным человеку невоцерковленному, рассматривая святость не как эфемерное, полумифическое явление, а

как естественное состояние, которое проявляется в жизни наших современников, в житии святого Фаддея Тверского.[61]

Наконец, универсальным решением всех проблем становится малый порядок, который модернисты устанавливают в Церкви. Они договорились между собой называть этот малый порядок «Церковью» и преследуют тех, кто отказывается повторять это за ними.

Мы закончили главу «Итоги 2022», где рассказали о том, как идеологи и модернисты разрешают вечные и новые проблемы, и к чему это привело на конец 2022 года.

Христианин сталкивается с теми же проблемами, но видит их яснее и реагирует на них прямо. В следующей главе мы сможем перейти к реакциям упорядоченной души.

Реакции упорядоченной души

Введение

Рис. 1. Голубица в пустыне. Жак Калло.

Указав на странность положения христианской души в наше время, мы можем поискать объяснение этой странности.

Бедность, болезнь и смерть – таков удел человека во все времена. В Новое время появляется новое бедствие, уже духовное: смешение, то есть гнозис.

В этой книге мы рассматриваем два вида гнозиса:

- Политический гнозис, который мы всюду называем *идеологией*;
- Православный модернизм.

Гнозис и в первом и втором виде смешивает истину и ложь (Рим 1:18), праведных и грешных. Следовательно, в Новое время плохо не только то, что православное Царство погибло и в Церкви победили модернисты. Хуже всего такое состояние, когда нет ни поражения, ни победы, и это то по-

ложение, которое устанавливают идеологи и модернисты, каждый в своей области.

Как на это положение реагирует упорядоченная душа? Для христианина задача остается навсегда одной и той же: разделить смешение, отделить поражение от победы и достичь большей ясности, то есть более ясного разделения.

В поисках этой ясности я предлагаю для начала увидеть, что мы вместе с модернистами видим одну и ту же картину Отступления. Модернисты и идеологи не слепы настолько, чтобы не видеть, что человечество отступило от Бога. Иногда они это понимают даже лучше и в деталях точнее, нежели современные им православные христиане.

Итак, в этом вопросе мы с модернистами и идеологами совпадаем. Но далее у нас с ними наступает разделение, потому что — модернисты винят в Отступлении Церковь и христианина, — а мы виним в Отступлении нового человека и, в частности, модерниста. Как мы видели в главе «Итоги 2022», модернисты винят Церковь в том, что ее голос не слышен, не авторитетен, что она слаба и несовременна, не может устроиться в мире победивших идеологий и т.д. и т.п. Более того, модернисты обещают исправить положение, если им позволят возглавить Церковь. То же самое делают и идеологи, которые считают, что могут исправить неправильное устройство общества, государства, семьи и человека, как только им удастся захватить власть.

Я еще раз обращаю ваше внимание на то, что православные согласны с модернистами (идеологами) и не согласны.

Мы согласны с ними, так как видим поврежденность человека, его бедственное положение, хотя и толкуем не так, как они.

Но мы принципиально не согласны с модернистами и идеологами, потому что принимаем это бедственное положение человека как неисправимое. Бедствия первого рода, то есть несчастья разумного сознания, можно «исправить», только разрушив это сознание и превратив в патологическое.

Мы принимаем как неисправимые также бедствия другого рода, которые принесла с собой эпоха Отступления, то есть то, что натворили модернисты в Церкви и идеологи в обществе.

Из нашего изложения видно, какие задачи стоят перед христианами.

Нам нужно

во-первых, понимать нашу ситуацию (не чью-нибудь, а лично нашу, сейчас и здесь), а для этого:

1. Видеть всю действительность целиком;
2. Пытаться отвечать на нерешаемые вопросы;
3. Убедиться, что мы неспособны ни к первому, ни ко второму.

Во-вторых, мы должны открыто осудить модернистов и идеологов.

Это не так-то просто сделать, потому что мы заранее знаем, что наши обличения не будут услышаны. Мы также знаем, что неточные и нечестные опровержения не только не убивают ложь, но и делают ее сильнее. Поэтому мы стремимся, чтобы наши обличения были точными и честными.

Для этого мы сообщаем православным людям три вещи, которые они должны знать и без нас:

1. Мир и сам человек, как его часть, не находятся во власти человека, а управляемы Богом.
2. Православие публично осуждает современный мир, созданный вымыслом человеческим.
 - а) Это осуждение – публичное, то есть открытое, но безвластное и личное. Христианин лично осуждает личности модернистов и идеологов. Это путь не компромисса, но и не революции.
 - б) Мы не производим перемены в сознании, не переделываем модернистов в православных, а сообщаем только то, что люди должны знать и помимо нас по благодати помазания (1 Ин. 2:27).
3. Обращаясь к обществу, мы открыто и честно соперничаем с предателями из числа образованных классов, которые действуют от имени коллективного «малого порядка». Они намерены изменять сознание, раз уже нельзя изменить действительность, или действительность – если убеждаются, что сознание нельзя изменить.

В чем же состоит опровержение модернизма и идеологий? Сообщая указанные три вещи другим людям, мы производим разделение:

1. На тех, кто это слышит, кто это уже знает, уже – христианин, а не модернист;
2. И на два рода людей, которые не слышат:
 - а) кто не желает слышать,
 - б) кто не желает соглашаться с верными ответами, не нашими, конечно, а вообще никем не выдуманными.

Итак, мы видим, что человечество разделяется по линии нерешаемых вопросов, и значит мы не зря представили историю как цепь вопросов Бога к человеку.

Антимодернисты, как христиане Нового времени, осуждают Новое время, и, чтобы это осуждение было полным, ищут ответы на нерешаемые вопросы. А модернисты и идеологи воображают, что могут практически исправить положение и, в частности, устранить разделение людей на христиан и модернистов.

Что такое антимодернизм?

После сказанного нам будет несложно выяснить, что такое антимодернизм. Он есть

- исследование Нового времени человеком Нового времени,
- или (что то же самое) сопротивление человека эпохи Отступления духовным болезням эпохи Отступления.

Если говорить менее возвышенно, то мы собираем материалы для осуждения нового человека за то, что он создал эпоху Отступления.

Как вы понимаете, такой род занятий, да еще такого человека вызывает много возражений. Антимодернизм кажется проблематичным, неустойчивым, даже несерьезным. Таков ли он на самом деле?

Мы говорили об истории как о цепи вопросов Бога к человечеству. Это подвело нас к самой сути человеческой жизни, к ее основаниям. Философия у нас совпала с историей, а история – с наукой о порядке в душе, в обществе и в мире. Эта наука христианская, потому что измеряет человека мерой Христа.

Основания человеческой жизни устойчивы и в то же время неустойчивы, и такое напряжение составляет саму суть человеческого существования. Общее всем бедственное состояние пробуждает у некоторых людей (не у всех) интерес к этим опасным вопросам. Насколько опасным? До потери жизни.

Душой христианина руководит большой интерес и мешает ему основаться на ком-либо кроме Христа: ни на своей устойчивости, ни на своей неустойчивости.

Интерес к нерешаемым вопросам показывает, что человек не спит, а бодрствует. Наш интерес подстегивают внешние и внутренние события, безнадежная в целом ситуация христианина в обществе и Церкви и личная слабость христианина последних времен. Христианин находится внутри и вне себя: он от всего защищен и отовсюду уязвим (2 Кор. 7:5).

Через интерес и чувство опасности Бог пробуждает в христианине мужество. Христианин исследует неприятные проблемы и приходит к покаянию не как к делу, исполнимому человеческими силами или по законам естества, а как к внешнему, незаслуженному юридическому акту оправдания.

Размышляя над нерешаемыми вопросами, христианин постепенно приобретает опыт, овладевает искусством преследования, лучше или хуже, по мере его любви к Истине.

Мы размышляем над опасными, потрясающими ум и смущающими совесть вещами. Нам все время угрожает соскальзывание в самоисцеление и другие духовные болезни. Но у нас есть то оправдание, что мы размышляем не над посторонними, а над касающимися нас вещами.

Если уж мы решили быть правыми во всем, опасностям приходится смотреть прямо в лицо, тем более что таким опасностям подвергается любой человек Нового времени, а не только антимодернист. Мы вынуждены

нападать на Новое время не по самоуверенности, а потому что уже не можем не видеть картину целиком.

Следовательно, неустойчивый, проблематический характер нашего проекта отражает истинное положение вещей в мире и в человеке. В этом состоит разгадка кажущейся несерьезности нашего предприятия: современному человеку кажется разумным избегать опасностей и упокоиваться в своей неутолимой гордости.

Антимодернизм отвечает на те же вопросы, какие возникают у любого человека: об условиях человеческого существования, основной вопрос человеческого существования и др. В этом отношении антимодернист – такой же человек, как и все. Он не отделен от единства рода человеческого и не желает быть отделен.

Так как люди Нового времени уходят от ответов на вопросы, то антимодернизм вынужден изучать разнообразные виды этого ухода, и самое главное уклонение: когда на теоретический вопрос дают практический ответ. Поэтому мы ищем ответы и на некоторые уточняющие вопросы.

— Новый человек

— В каком положении пред Богом находится человек Нового времени?

— Почему нельзя выпасть из Нового времени?

— Почему трудно перестать быть новым человеком?

— Почему трудно отделиться от новых людей?

— Упорядоченная душа

— Какова судьба упорядоченной души в Новое время?

— Как совместить образец человека и реальность града развращенного?

— Мы ведь тоже люди Нового времени. Значит, в нас нечто соответствует мере человека, а что-то искажено, причем искажено определенным образом. Каким?

— Как христианину остаться неподвижным в меняющемся мире?

— С одной стороны, это очень просто: оставаться неподвижным. Никакого рока нет, не хочешь – не меняйся.

— С другой стороны, свобода ограничена необходимостью отвечать на вопросы. Уход от ответа для христианина невозможен.

— Что происходит между ними: новым веком и – вечным человеком, то есть христианином с печатью Духа Святаго?

— Новый человек и христианин в Церкви

— Откуда новые гонения на христиан, в том числе со стороны бывших христиан и мнимых христиан?

— Откуда предательство сергианами Новомучеников?

— Отчего праведники одиноки в нашем веке, не поняты единомысленными и единоверными?

— Почему модернизм победил?

- Почему никто не замечает, что модернизм победил?
- Как в Церкви сосуществуют христиане и модернисты?
- Почему нельзя переубедить модернистов?
- Почему в Церкви больше нет творчества, тонкости и сложности?
- Почему сейчас невозможно богословие?
- Новый человек и христианин в развращенном обществе
 - Почему в развращенном обществе разумное сознание социально неэффективно, даже если разумного человека не репрессируют?
 - Почему христиане не обращают внимания на то, что государства больше нет?
 - Почему нельзя переубедить идеологов?

Можно указать и другие вопросы того же рода.

Нетрудно заметить, что все эти вопросы не технические. Например, волнующий нас вопрос о модернистах в Православной Церкви – вопрос не техники, а мистики.

Раз наши вопросы не технические, то их нельзя решить однажды и навсегда. Ответы на них приходится искать не переставая, и не только искать, в отличие от модернистов (2 Тим. 3:7), но и находить. Отсюда следует, что эти ответы составляют своего рода *диалектику* антимодернизма, когда порядок доказательства, убеждения (в истории) совпадает с порядком размышления (в душе, в биографии).

Антимодернизм как наука

Православному модернизму свойственно переодеваться в одежды научности. Должна ли быть научной защита веры от ереси модернизма?

Я готов признать, что антимодернистские сочинения обычно выглядят не академическими. Даже на фоне консервативных обобщений: «цивилизация», «многополярный мир» и т.п., – наши труды покажутся копанием в мелочах. Мы как будто обходимся без научности и обобщения, не желая подняться выше списка имен модернистов.

Материалы нашего сайта не похожи и на публицистику, так как не руководят ни к какому действию.

Поэтому встает вопрос о том, к какой области знания относится «антимодернизм»?

Богословие? Нет, оно сегодня невозможно.²¹

Философия? Сегодня ее не найти днем с огнем. Философствуют многие, кто профессионально, на кафедрах философии, а кто в быту составляя жизненную философию.[63] Но это именно философствование, но никак не философия, не то, что можно знать.

²¹ «Мне старец Исаия говаривал: не пиши! не для кого!»[62, С. 542]

Пожалуй, более всего антимодернизм похож на социологию, но тоже как бы не настоящую, а дилетантскую.

Психология? О нет! мы не психологи. По крайней мере, не в обычном смысле. Мы не изучаем психическую продукцию еретиков как нечто ценное, их оправдывающее, как нечто последовательное хотя бы в смысле внутренней логики личности.

Мы изучаем порочную, никому ненужную и никуда не годную психическую продукцию, короче говоря, патологическую.

Мы изучаем отдельных лиц, их слова и дела, потому что каждая антиправославная мысль, каждое антицерковное действие есть нечто случайное, случившееся по человеческой глупости и подлости. В модернизме закону Божию противопоставляет себя не иной закон, а бессмыслица, набор беспорядочных, но однообразных действий.

Как Апостол удивляется тому, что галаты так скоро переходят

к иному благовествованию, которое впрочем *не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово* (Гал. 6:7).

Значит, антимодернистам остается признать, что они специалисты в области незнания.

Во-первых, мы изучаем то, что ведет не настоящее, а призрачное существование: человеческие вымыслы, заблуждения, страсти, духовные болезни.

И, во-вторых, мы изучаем то, чего быть не должно, а оно на самом деле есть.

Немного поясню сказанное. Возьмем В.И. Ленина.

У него были сумасшедшие (без преувеличения) идеи относительно государства. Смотри «Государство и революцию»:

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.[64, С. 101]

При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.[64, 116]

Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. [64, С. 101]

Как же рассчитать эту одинаковую для всех меру работы и платы? Очень просто:

Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех

действий арифметики и выдачи соответственных расписок.[64, С. 101]

Наряду с дурацкими идеями у Ленина был рациональный план захвата власти, который он осуществил, руководствуясь своей незаурядной политической интуицией.

Мы видим, как в одном патологическом сознании сочетается безумие и расчет.

На что был расчет?

Реалистический и удавшийся план был основан не на знании истинного положения вещей в России. Ленин его не знал и не мог знать. Однако гностическое безумие масс он уловил, и, опять же, не по своей немыслимой гениальности, а потому что и сам помешался на том же самом пунктике, что и все эти массы.

Ленинский план захвата власти был основан на точной оценке массового безумия, охватившего многих в то время. Иными словами, правильный расчет был сделан на основе лжи, самообмане и умении обманывать наилучшим образом.

На этом, как известно, дело не закончилось. Результатом революции октября 1917 года было то, что в России было создано государство нового типа: с реальной силой, самым настоящим террором, но не истинное, а вымышленное людьми. Не Богоустановленное. Такое, про которое нельзя было сказать: «Нет власти не от Бога» (Рим. 13:1).

Я все это рассказал, чтобы показать, что в современном мире мы на всяком шагу сталкиваемся с фактами, но не с истиной, с бредом, но расчетливым.

Возможно, пример с ленинистами выглядит слишком приземленным. Ведь с модернистами у нас, кажется, борьба чисто идейная. У них свои идеи, у нас (хотелось бы надеяться) Апостольские и отеческие. И вот идеи сталкиваются, а полем для соревнования должно быть поле знания, то есть богословие.

Так оно и было до поры до времени. Но потом произошли большие перемены.

Во-первых, Церковные органы, призванные следить за чистотой веры, приняли в свой состав модернистов.

Вспомним состав Поместного собора 1917-1918 годов, где смешались будущие Новомученики и Святые – с модернистами, обновленцами, будущими сергианами и экуменистами.

Некоторые органы сразу создавались как модернистские, например, Богословская комиссия (Комиссия Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений) или Межсоборное Присутствие.

Я не хочу сказать, что эти органы или Синод в целом выносят толь-

ко модернистские постановления или состоят из одних модернистов. Ни в коем случае. Но уже то, что в них не различают модернистов от православных, значит, что эти органы утратили свою власть в области Истины.

Поэтому суждения данных церковных органов не авторитетны для самих модернистов. Вспомним реакцию А.И. Осипова на ответ Богословской комиссии.[65] Он просто посмеялся над ним.[66]

Во-вторых, большие перемены произошли и в нашей жизни. Оказывается, для вынесения правильных суждений нужна внешняя и посторонняя власть, а ее сейчас нет.

Истинные догматы, содержащиеся в Писании и Предании, никуда не исчезли. Но почему-то они более не оказывают исправительного действия на обстановку в Церкви.

И здесь мы вернемся к аналогии с Ленинским планом.

Оказалось, что даже самый абстрактный вымысел может материализоваться, пусть не в станках и заводах, а в новом малом порядке.

Малый порядок в Церкви вполне осязаем. Он материализован в документах типа Социальной концепции,[67] в событиях вроде экуменических встреч и сослужений, во всем восхитительном здании модернистской ортодоксии, символом которой стал ПСТГУ.

Все это действительно есть, и все равно это ложь и обман. Захват власти революционерами ничего не делает истинным и не доказывает даже силы заблуждения.

Но я не совсем прав. Кое-что все-таки происходит. В результате таких событий становятся заметны люди, отказывающиеся верить в истинность лжи и участвовать в ней.

Следовательно, и нам нужно утвердиться в своем нежелании знать и верить в ложь, пусть она и намертво воплощена в памятнике Достоевскому.

Все современные виды обмана и самообмана есть бунт против Творца. Вы можете подойти к нему и пощупать его, как обломки Вавилонского столпа, и все равно он будет ложью.

И самая главная ложь модернизма и всех других идеологий состоит в том, что человек или все человечество якобы могут разрушить порядок, установленный Богом.

И вот тут происходит странный оборот. Раз Порядок не уничтожим, значит, чтобы не знать лжи, надо иметь истинные понятия об Истине.

Наши понятия могут быть богословскими и философскими, математическими и естественно-научными. Мы можем их уяснять для себя в разной мере, кто как успеет за время своей жизни. Но если мы их имеем, то только про себя и для себя, составляем их ради спасения своей души.

Конечно, такое уяснение истины в частном порядке проблематично. Ведь сама личность – непрочная крепость. Но все равно все зло и ложь содержится только здесь, и здесь его нужно опровергать.

Значит, все-таки у антимодернистов есть знание, но знание не специальное, а общее всем христианам, даруемое всем крещеным по Откровению, благодатно, свыше.

И нам нужно крепко держаться за этот остаток веры, хотя бы он выглядел ненаучным и бессильным в глазах всемогущих специалистов разных областей знания.

План восстания против Нового времени

Теперь мы подошли к главной теме нашей книги: **что и как делать, мыслить и говорить в Новом веке.**

Около четверти века я методически собирал безнадежные мысли, коллекционировал философские и филологические приемы.

Из вопросов, ответов, ухода от ответов и разоблачений этого ухода родился план своеобразного «восстания» против Нового времени.

Наше восстание особое: оно не есть ни бунт, ни компромисс, как мы выяснили в свое время, рассуждая о нигилизме.[68] На неверие ответом может быть только вера, но почему-то это сложно понять и невозможно реализовать. План восстания включает в себя исследование, почему это так.

С чего нам начинать свое восстание – безразлично. В эпоху Отступления весь мир во всех отношениях выступает против Христианства. Я же по своим личным мотивам выбрал для исследования православный модернизм.

Примерный план восстания таков:

1. Прежде всего нужно увидеть вещи такими, каковы они есть.
2. Мы хотим видеть всю картину целиком.
3. Чтобы видеть все вещи, каковы они есть на самом деле, надо отвечать на нерешаемые вопросы, и таким образом убедиться, что мы неспособны ни к первому, ни ко второму.
 - а) Отвечать не откладывая, от чистого сердца и на ясном языке.
 - б) Отличать важные вопросы от не важных.
 - в) Отвечать не ради пользы и не ради управления сознанием своим или чужим.
4. Ответы на эти вопросы или, хотя бы, размышление над ними ведут ко все большей ясности.
 - а) Происходит правильное усложнение, расчленение первоначального созерцания. Такое правильное усложнение уже не останавливается, даже когда в мире господствует смешение.
5. Видеть врага: мы враждуем с новым человеком, который видит вещи, какими ему хочется. То есть он просто слеп.
 - а) Причина этой добровольной слепоты в том, что люди знают, что

страх для них невыносим. Они не хотят сойти с ума от ужасного мира, но и посмотреть в глаза истине они не могут.

- б) Антимодернизм враждует с развращенным обществом. Наш проект политический, но социально неэффективный.
- с) Здесь мы не противоречим себе, потому что наше восстание особого рода. Наши вопросы находят решение сами собой, самоисполнимы. Услышать вопрос – уже значит на него ответить.

Приемы

1. Приемы у нас должны быть особые, всякому человеку доступные, но отмеренные по мере образцового человека.
2. Мы заранее знаем, что эти приемы подействуют не на всех. Так что наши приемы не похожи на полезные советы, исполнимые человеческими силами.
3. Мы должны озаботиться тем, чтобы правильно перейти от мысли к действию. Для этого мы должны сообщить другим людям:
 - а) что мир не находится во власти человека. Тем самым мы боремся против гордости идеологов и модернистов. Мы всему миру говорим о бесполезности усилий.
 - б) Мы сообщаем людям, что путь познания каждый проходит в своей душе и в разумном диалоге.
4. Мы разоблачаем уход от преследования, совершается ли он в мысли, слове или на деле.
5. Мы противимся усыпляющей софистике.
6. Противимся мы и опьяняющим речам.
7. Для нас недопустим компромисс на деле и в мысли. В нас не должно быть ничего своего, и поэтому, если мы идем на компромисс, то мы просто не имеем права существование.
8. Мы не отталкиваемся от модернизма, чтобы создать чистое Православие. Можно создать такой вариант Христианства, который будет противоречить модернизму по всем пунктам, и все-таки это еще не будет Православие.
9. Мы следуем за гнозисом, чтобы увидеть, где он прав, где он видит правильные вопросы, потому что он наиболее опасен там, где прав, а не там, где ошибается и обманывает.
10. Мы пытаемся разобраться в марксистах, модернистах, персоналистах, потому что модернизм – это модернисты, марксизм – это марксисты и ничего другого.
11. Мы приходим к выводу, что они не знают, что говорят, говорят то так, то иначе и этим показывают свое недостойство. Значит мы по край-

ней мере не станем их слушать. Вот что нам дает метод критической антропологии.

Критика

1. Нужно проверить свои мысли и приемы: правильные ли они?
2. Их надо проверить, предоставив на суд Богу и сопоставив, стоя перед Лицом Божиим, с тем, что происходит в мире и Церкви на самом деле.

Цель восстания

Мы намерены доказать, что можно и в век смещения обнаруживать все большую ясность в истории и в личной истории, биографии своей и чужой.

Где же эта ясность, если все вокруг становится хуже? Она во всех тех, кто хочет понять.

Тот, кто созерцает, познает и проверяет свое созерцание и знание, в конечном счете следует своим желаниям, то есть любви к Истине, причем эти проявления любви разнообразны. Мы хотим не ошибаться, хотим быть правыми во всем, хотим никогда не терпеть поражение и не заниматься делами, которые не обещают успеха.

Из этого следует, что антимодернизм не идеология, не секта, а лицо: отдельный, бессильный, одинокий человек, такой же, как все, то есть не отказывающийся страдать вместе со всеми.

Пессимизм

Одним из наших основных приемов является пессимизм. Чтобы рассказать об этом приеме, еще раз вернусь к страшным вопросам нашего времени.

Мы рассуждаем о двух группах проблем:

- Одни из них необходимые и проистекают из Промысла Божия, Божественного наказания и милости.
- Другие проблемы созданы идеологами и модернистами в Новое время. Когда мы ставим эти вопросы, то тем самым заявляем о своем желании увидеть вещи, как они есть.

Мы изучаем нехорошие вещи и нехороших вредных людей, в том числе себя самих. Если мы перестанем «думать только о хорошем» и сообщать «только добрые новости», то увидим ужасную картину общественной и церковной жизни.

«Сейчас позже, чем ты думаешь»,²² – вот типичный лозунг того, что я называю «пессимизмом».

Судьба человека бедственна, а нового человека – вдвойне. Из этого закономерно вытекает разочарование, пессимизм, охлаждение ко всему современному, ко всем подделкам под прошлое и ко всем мечтам о будущем. «Всё плохо» оказывается методом познания, как я писал некоторое время назад.[70]

Наш пессимизм, собственно, это все, чем мы можем ответить на бедствия. Мы ни к чему человека не призываем, никуда не влечем, не даем никаких надежд на земле, но при этом не отказываемся размышлять над опасными вещами и личностями. Тем самым мы возобновляем христианскую традицию размышлений над брэнностью бытия. И, согласно той же традиции, размышления наши бесполезны, но ведут к радости по Богу, «спасающему мя от малодушия и от бури» (Пс. 54:9).

В Церкви, и тем более в обществе, есть проблемы. Они привычно считаются преодолимыми: только руки приложи. Ну, а что если они нерешаемы в принципе?

В новом веке всё плохо.

Что это значит для сознательной веры, для любого сознающего ума?

Это значит, что полная картина мира складывается из того, что

ничего нельзя понять как следует;

ничего нельзя сделать как должно;

никому ничего нельзя объяснить.

Раскроем каждое из этих утверждений.

— Ничего нельзя понять:

— Бедствия исходные

— Будущее неизвестно.

— Известно только то, что не все зло еще совершилось.

— Действительность не носит характер системы.

— Наше знание частичное и отрицательное.

— Бедствия вторичные:

— Адогматизм обезвреживает для себя любое догматическое суждение;

— Аморализм обезвреживает рассуждение моральное;

— Модернизм обезвреживает христианское рассуждение.

— Ничего нельзя сделать:

— Упорядоченная душа социально не эффективна.

— Порядок невосстановим.

— Развращенное общество неисправимо.

— Мы все одинаково беспомощны.

— Наши усилия бесполезны.

²² «It's later than you think».[69, P. 102]

- Выхода нет.
- Антимодернисты не могут объединиться в коллектив.
- Ничего нельзя сказать.
- Богословие невозможно.
- Философия невозможна.
- Культура усиливает самость.
- Нет ответа:
 - Утрата истины коммуникации, раскрывающаяся в разумном диалоге. Диалог ушел в частную жизнь.
- Сатира не действует, потому что действительность страшнее и смешнее любой сатиры.
- Эмоциональное осуждение не действует, даже когда принимает формы морального осуждения. Возмущение не является правильным христианским отношением к политическому бесстыдству.

Так мы по всем пунктам противостоям радостному, положительному христианству,[59, С. 63-68] но не из желания ему противоречить, а потому что ситуация действительно катастрофическая. И она еще хуже оттого, что у идеологов и модернистов есть свой план *наступления* в ответ на описываемое нами *Отступление*.

Ответы на нерешаемые вопросы будут по необходимости пессимистичными, разочаровывающими. В нашем пессимизме мы имеем прекрасных наставников: свт. Игнатия (Брянчанинова), Константина Леонтьева и Константина Победоносцева. К ним мы можем добавить и Блеза Паскаля. Они помогают нам разложить свое разочарование на части и подвергнуть их анализу.

После этого можно перейти к следующему вопросу:

Зачем мы об этом говорим и рассуждаем, если все равно ничего нельзя изменить?

Для душевного здоровья, ради государственной дружбы люди должны видеть, что беспорядок непоправим, что развращенное общество неисправимо. Однако у современных людей нет ушей, чтобы слышать слова о безнадежности положения, о неисправимых ошибках. Все сразу переходят к действию, от ума – к пользе. Но как писал педагог XIX века: «Польза! Польза! Какую пользу приносит эта польза?»[71, С. 256]

Мы используем пессимизм как орудие познания внутреннего и внешнего мира. Не сходя со своего места, мы наблюдаем безвыходность, безнадежность, невозможность любого возвращения, возрождения, невозможность чего-либо нового, свое одиночество и свою бесполезность.

Мы остаемся в стороне, не участвуем в глобальном соревновании рабов и господ, не ищем победы в споре,²³ потому что боремся не за победу, а за правду, и только правду воздвигаем между ложью и своей душой. Мы, тем

²³ «Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованиями подкапывать Веру.

самым, выпадаем из общества взаимного признания,[73] и исполняем свой гражданский долг. И такое наше состояние должно быть непоколебимым.

Конечно, наша задача не в том, чтобы погрузить человека в отчаяние – в пик гнозису, который вызывает у людей эйфорию. Мы понимаем это «всё плохо», как предварительное, а не окончательное утверждение.[70]

Объективное наблюдение не показывает сегодня ничего хорошего, но как только оно произойдет, мы готовы его признать хорошим и добрым.

Именно в этом своем условном виде пессимизм способен обличать гордость пессимистов и оптимистов, и вообще людей, ставших неукротимыми, по слову св. Григория Паламы:

Для тех, кто облечен в славу, богатство и власть и кто усердно прилежит к наукам и обладанию мудростью, усилия и старания нужны в большей мере, если желают спастись, так как стали они как бы более неукротимыми.[74, С. 147]

Не для всех верно

Раз мы сопроводили наш пессимизм оговорками, то будет последовательным с нашей стороны сказать далее, что «всё плохо» верно не для всех.

Очарование идеологий и модернизма почему-то действует не на всех. Не все заражены массовым безумием, а православный модернизм – один из примеров такого безумия.

Неверно было бы сказать, что

- Гитлер обманул в 1933 году всех немцев,
- в 1917 году все в России были охвачены революционным безумием,
- никто не мог предвидеть, к чему приведет распад СССР и т.д.

Нет, не всех, не все. Кто-то мог предвидеть, а кто-то не смог.

«В православии Достоевского сомневаться не приходится».[75] Нет, приходится.

«Сама история доказала правоту Ленина».[76] Нет, не история.

Не для всех верно касается не только плохого, но и хорошего. Многие, например, читали о Серафима (Роуза), но не на всех модернистов он произвел одинаковое впечатление. Есть среди них и почитатели о. Серафима, например, Владимир Легойда и прочие «облегченные» христиане из журнала «Фома».

Как Истина, так и идеологическое безумие не действуют на всех одинаково. Этот духовный факт зовет нас к исследованию различий между людьми.

Не беда, если победят кого словом, потому что всем дан дар слова. Страшно отложиться от Божества, потому что упование всем необходимо».[72, С. 371]

Объединяться не с кем. Одиночество

Различие между людьми мы видим не в том, что образуются две группы: модернисты и противостоящая им группировка антимодернистов.

Единомысленные во зле едины, это правда.

Но антимодернисты, вроде бы тоже единомысленные, остаются почему-то каждый в одиночестве, не сбиваются в стаи и секты. Избирательное средство склеивает людей друг с другом только в идеологиях и модернизме, а в Христианстве не работает. Почему?

В одиночестве христиан оставляет их пессимизм, о котором мы только что говорили.

Антимодернизм – индивидуальный проект, частное предприятие. Антимодернист отказывается быть солидарен с теми, кто создает духовный кризис в Церкви. Он всеми силами старается держаться подальше от организованной глупости. Это понятно. Но и дружба возможна лишь как исключение, как то, что тоже «не для всех верно».²⁴

Нас может утешать, если наши мнения временно совпали с мнениями других людей, но плохо, если мы ищем единомыслия, чтобы защитить себя от одиночества.

От одиночества не надо защищаться. С ним надо согласиться и возлюбить как свою судьбу.

Пропась

Тот, кто ищет ясности, необходимо приходит ко всё большему разделению, ко всё большей сложности и разделности понятий.

Есть у разделения и чисто личная сторона: поиски ясности приводят ко все большему разделению с другими людьми.

Как это происходит?

Мы вознамерились различать в окружающем нас смешении хоть что-нибудь, например, врагов России от друзей, патологическую речь от разумной, большое сознание от здорового.

Начав их различать, мы уже не можем остановиться, и от этого в своей обыденной и общественной жизни идем путем всё большего фактического, личного отделения от идеологов и модернистов. Это всегда болезненно, а подчас выглядит жестоким, но именно так совершается правильный переход от мысли к действию. Ведь мы снабдили свою душу пессимизмом, о котором только что говорили.

²⁴ «Спасаяй да спасет свою душу, сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим. Себя спасай! блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле спасения: это — великий и редкий в наше время дар Божий».[77, С. 549]

Я отказываюсь искать уверенность в земном, в силе, пользе, успехе. В отличие от гностиков всех видов, мне такая уверенность не кажется более твердой и основательной, чем уверенность в небесном. В этом я вижу свою отделенность от идеологов и модернистов. Мы с ними по-разному устроены. Между нами – пропасть.[78]

В современном мире бок о бок живут два рода людей:

Одни живут пред Богом и связаны со всем человечеством.
Другие живут перед людьми и приходят к отщепенству от человечества.

А все это потому, что единство в Боге возможно, а единство в человеке нет.

Так мы приходим к выводу, обратному тому, что обычно сообщает модернистская пропаганда:

Христиане такие же люди, как все, и поэтому от идеологов и модернистов их отделяет пропасть.

Ведь православные модернисты призывают на самом деле не к тому, чтобы Церковь примирилась с миром. Они требуют (и уже добились) того, чтобы Церковь примирилась с ними: православными модернистами, а весь мир оставила погибать в неверии.

Нам же отнюдь не следует бояться разрыва с модернистами, а для этого надо отвергнуть все положения всех идеологий, в том числе православного модернизма.

Мы ни в чем не верим идеологам. Нельзя оставить что-то от национализма и еще что-то от социализма только потому, что нам эти мысли сентиментально дороги. Нет, только полный разрыв, только память о том, что «народ» национализма – это не народ христианский, и «справедливость» социализма – это не Христова правда.

Итак, критика модернизма, сергианства и экуменизма может быть путем к Богу. Но только в том случае, если человек на этом пути очищается от всех мифов: правых, левых и компромиссных. Только тогда это будет борьба против всех мысленных и вещественных идолов, которым совершает свое служение современный человек.

Теперь попробуем несколько подробнее измерить глубину пропасти между христианином и новым человеком.

Ничего нельзя понять

Допустим, мы вооружились непроходимым пессимизмом и набрались мужества, чтобы рассмотреть пропасть между миром и Христианством. Далее мы можем раскрыть наше утверждение о том, что в Новом веке ничего нельзя понять. Мы будем помнить, что этот тезис диалектический, то есть не для всех верный.

Мы идем путем познания Нового века, нимало с ним не соглашаясь, и даже отказываемся его переделывать, потому что не хотим вступать с ним в какие-либо отношения. Такую познавательную позицию можно назвать «критикой без утверждения».

Мы сами не можем ответить на все вопросы: и вечные, и новые. Но это не значит, что мы потерпели кораблекрушение в вере или остались без разумных оснований.²⁵ Основное наше открытие на этом пути состоит в том, что ситуация непоправима, идеологи и модернисты неисправимы.

Такая «критика без утверждения» дает нам всё большую ясность в окружающей нас тьме. Мы обнаруживаем эту ясность в самом **порядке** рассуждения и **порядке** истории, а порядок, в свою очередь, мы находим в Божием суде над мыслями и делами людей. В этом смысле, хотя история кончилась, мы признаем и прогресс, как все более ясное знание о бедствиях: прошлых, настоящих и будущих.

Таким образом, всё большее понимание доступно, а вот взаимное понимание в одних случаях сомнительно и требует проверки, а в других и вовсе невозможно.

Ясность мысли делает невозможным взаимопонимание с модернистами. У нас с модернистами разный объем знания, так как мы хотим видеть всю картину, а они сознательно отказываются видеть существенные области в Божием мире.

Вступая в споры с модернистами, надо знать о предмете спора больше, чем они. Но мы выступаем и против духовной болезни многознания. Знание не спасает, если это знание попирается через грех и равнодушие.²⁶

Вот и выходит, что мы избрали пессимизм как метод познания как раз потому, что пессимист ничего не прибавляет к предмету наблюдений. Он не добавляет человеческие мнения к слову и делу Божию, предоставляя действовать Одному Богу. Тогда мы уходим от всех точек зрения, истолкований, и идем к самой истине.²⁷

Мне не нужны мнения, свои и чужие, мне не нужно обманывать и обманываться.²⁸ Мне нужны правильные понятия, и я намерен научиться правильно их соединять. И поэтому я начинаю с того, что ничего нельзя понять, что я не понимаю своих понятий, а использую их только как слова, и к тому же не умею правильно соединять.

Итак, человек видит истины, видит свое недостойство. Тогда он обращает внимание на истины, и они властно завладевают его душой. В человеке начинается внутренний диалог, который потом получает свое подобие в диалоге с другими людьми.

²⁵ См. Лейбниц в полемике против Бейля[79, Р. 418] и [80]

²⁶ «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем» (Гераклит).[25, С. 195]

²⁷ См. переписку братьев князей Ширинских-Шихматовых.[81, С. 25-35]

²⁸ «Я не довольствуюсь вероятным, но ищу достоверного» (Паскаль).[82, С.112]

И вот тут мы приходим к очередному пессимистическому выводу, что никому нельзя ничего сказать.

Ничего нельзя сказать

Мы говорили, что модернисты видят тот же мир, что и христиане, но намеренно закрывают от себя и от других его существенные области. В таком случае, мы не можем обсудить с ними то, чего они не видят.

Вот к чему приводит наше желание видеть картину мира целиком. В этом смысле мы, православные, действительно претендуем на «всезнание», на совершенную правоту. То есть, в общем, мы действительно виноваты перед новыми людьми в том, что говорим с ними о том, о чем они слыхом не слыхивали. К тому же, как мы говорили, без государства мир стал непонятен, и единственное, в чем мы можем упрекнуть идеологов и модернистов, так это в уничтожении государства. Дальнейший расцвет глупости происходит уже автоматически.

Одним из грустных выводов является то, что мы никого не можем убедить.

Ответом на неверие может быть только вера, но для неверия вера не аргумент.

Ответом на глупость может быть только рассуждение, но оно, конечно, глупому недоступно.

Над отказывающемся подчиняться никакой авторитет не властен.

И так далее.

Поэтому наши опровержения всегда будут слабее нападения на веру, которое мы бы хотели отразить. К сожалению, сегодня у нас нет опровержений модернизма, на которых можно было бы успокоиться. Но нас не устроит и скепсис, презрительное молчание.

Поэтому мы предлагаем не опровержение (оно социально не эффективно), а «критику без утверждения».

Могущественные приемы мысли и речи, служившие некогда для разумного диалога, никуда не исчезли, но теперь они служат для диалога в частной среде и для внутреннего рассуждения. Даже сообщать только факты – это уже духовная позиция, которую сегодня никто не занимает в общественной и Церковной среде.

Главное же здесь то, что мы не можем уйти от самих себя. Всякая душа оперирует правильными и неправильными понятиями, обсуждает их в своем внутреннем обличении, через чтение Писания и Отцов, через беседы с теми, кто любит истину.

Из познания своей немоты и глухоты вытекают некоторые практические выводы.

Нужно прямое (не метафорическое), простое (о самом главном), серьезное, скучное (скучное для не интересующихся) высказывание. Поэтому нам остается своего рода журналистика:

сложная : потому что разделяет понятия,

неудобная : неконформная,

неинтересная : не очаровывает, не развлекает человека зрелищем его мнимого величия и ценности.

Такая журналистика привлекает не к автору, не к коллективу, а к Истине, которая открыта для всех, но интересна не всем, а только любящим Истину.

Ничего нельзя сделать

Теперь самое очевидная из всех невозможностей: в современном мире ничего не удастся сделать.

Сегодня порядок в душах не транслируется вовне, здравый ум не оказывает влияния на общественную дискуссию, христианин не упорядочивает общество вокруг себя. Мы понимаем это, и поэтому наше пессимистическое знание не переходит у нас в активизм.

Мы говорили, что ядром идеологий является своеобразный практицизм, когда на теоретические вопросы дают практические ответы. Значит, говоря о том, что ничего нельзя сделать, мы поражаем идеологию в самое сердце, то есть лишаем ее объяснительной силы.

Вместо практических ответов антимодернисты предлагают некоторый странный образ жизни, потому что жить мы не отказываемся. В Новое время нужны новые приемы, с помощью которых мы смогли бы отвергнуть всех идеологии. И приемы эти – тоже странные.

Отказаться от всех символов и всех мифов – значит согласиться жить без ориентиров. Жить в состоянии безвыходном – это призвание христианина, потому что он не язычник.

Но странное дело! В Новом веке все люди живут без ориентиров. Разница только в том, что одни видят это, а другие отказываются видеть. Одни обманывают себя, а другие нет.

Лучше всего странная ситуация христианина видна в политике:

1. Мы отвергаем либеральный штамп, что «политика грязное дело».
2. Мы не пацифисты и не сторонники недеяния.
3. И все же мы говорим, что вся современная политика – это политика идеологическая, политика силы,[83] и

4. настаиваем на том, что достойный человек в такой политике никогда участвовать не станет.²⁹

Поэтому в практической сфере мы можем дать лишь два совета:

1. Христианин должен противостоять развлечению, прежде всего в религии и политике.
2. Он должен всеми силами удерживаться от участия в реформе Церкви и в политической революции.

В современном мире христианину нет места. Он не может устроиться в этом мире и овладевает удивительным искусством сделаться негодным для мира.

Идеологи хотели бы запретить всех христиан в вымышленной второй реальности, специально созданной ими с помощью отступников от Христианства: модернистов. Современные властители тел и умов хотели бы навязать нам выбор: бунт или компромисс, а в Церкви: раскол или сергианство.

Но наше восстание, как мы говорили, особого рода. Нам и в самом деле некуда бежать от победивших идеологий. Но мы никуда и не бежим, а упрямо остаемся на своем месте, незавидном во всех отношениях.

Как же это получается, что христианин стоит на своем месте, но никакого места в этом мире у него нет?

Будучи **православными**, мы критикуем **православный** модернизм, а не какой-либо посторонний: вот как мы достигаем такого странного положения. А делаем мы это, потому что это нас касается. Поступая таким странным образом, мы занимаемся своим делом, а не чужим, к нам не относящимся. И следовательно, мы мыслим, говорим и поступаем так же, как всегда поступали христиане.

Мы не одиноки в нашем одиночестве. Мы поступаем как обычно, по-старому, и нам есть с чем сравнить новизну Нового времени. Поэтому мы и стараемся делать свое дело лучше всех и знать предмет лучше тех, с кем мы спорим. Ведь, в конце концов, халтура – абсолютная немудрость.³⁰

²⁹ «Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей». [84, С. 287] и [85, Р. 181-192]

³⁰ «Есть две халтуры: греческая и татарская. Халтура греческая. Это тогда, когда человек пишет не там, где должен писать, и поет не там, где должен петь. Халтура татарская. Человек работает не так, как надо». [86, С. 46]

Странные сочетания

Положение христианина – безнадежное и безнадежно отдельное от Нового века и новых людей. Если помнить об этом, то можно разглядеть многое, и разглядеть глубоко. И все-таки это только одна из сторон нашего восстания против Нового времени.

Мы указывали на диалектический характер наших пессимистических утверждений. Иначе говоря, они нужны для внутреннего рассуждения и внешнего диалога.

Наше рассуждение и наши диалоги нуждаются в критической оценке. В них нужно, по меньшей мере, всмотреться, а не вести их бессознательно.

И вот, сопоставляя между собой уже сделанные в этой книге утверждения, мы обнаруживаем многочисленные «странные сочетания» (за неимением лучшего термина я буду называть их так).

Странные сочетания возникают оттого, что положение человека в этом мире двойственно и неустойчиво. Он испытывает два разных рода бедствий, два рода страхов, два рода радости, два рода единства и два рода разделения.

Так мы, наконец, мы поднимаемся до того обобщения, что история человечества не едина. В истории, не соприкасаясь и враждуя между собой, странствуют град Божий и град человеческий.

Попытаюсь показать на примерах, что я имею в виду под странными сочетаниями.

Казус единства

1. Все знают, что идеологии завораживают своих адептов мифом единства. Единство может быть разным: классовым, национальным, всечеловеческим, природным и т.п.
2. Христианам противна такая фасцинация единством, потому что мы с самого своего обращения ко Христу знаем о двух градах.³¹

³¹ «Существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, следуя Писаниям своим, справедливо можем называть двумя Градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода по плоти; другой из желающих жить также по духу. Когда каждый из них достигает своего желания, каждый в мире своего рода и живет».[87, С. 2]

3. Мифу «единства» мы противопоставляем разделение человечества на два рода.
4. При этом мы все же считаем себя просто людьми, такими же, как все. Мы ни недочеловеки, ни сверхчеловеки. Христиане не отказываются от единства природного, общественного и духовного, и они идеальные граждане, члены человеческого рода, столпы общественной морали и т.д.

Вот это я и называю «странным сочетанием», потому что начинаем мы с критики мнимого «единства», затем утверждаем свое единство с человечеством, народом и обществом. В качестве вывода мы получаем то, что идеологи с их разговорами о единстве оказываются одиночками, отщепенцами, врагами общества и человеческой природы.

Казус единства Церкви

Или рассмотрим аналогичный пример относительно единства Церкви.

Экуменизм в современном Православии выражается в одобрении внешней экуменической деятельности. В отличие от экуменизма советского, современные экуменисты открещиваются от богословского примирения Православия со всеми ересями.³²

Это не мешает вести бесконечные разговоры о социальном, но не вероисповедном, мире между разными верами и идеологиями. Такие разговоры можно вести только в том случае, если ты не присматриваешься к тому, что речь идет здесь не о единстве, а о смешении.

Но компромисс с иными верами состоит сегодня не только в экуменизме. Он выражается в том, что в Церкви запрещено отделять православных от инаковерующих и неверующих, как это видно на примере о. Сергия Булгакова, о. Георгия Кочеткова или проф. Осипова. Все это предательство Православия покрывается софистикой единства не экуменического, а юрисдикционного.

Речи о внутреннем единстве Церкви тоже становятся софистикой, если в это единство мы включаем модернистов, а иногда и прямых атеистов.

Христиане, разумеется, подвергают это положение вещей критике. Мы противимся смешению вер, лиц, слов и понятий. Поэтому мы утверждаем, что единства нет ни с экуменистами вне Церкви, ни с модернистами внутри Нее.

³² «Православная Церковь остается приверженной диалогу с Церковью Англии, который теперь может развиваться уже не в богословском ключе, а в русле взаимодействия по практическим вопросам».[88]

«Российская практика межрелигиозных отношений предполагает концентрацию на практических вопросах, при этом нашими принципами являются: уважение к целостности верования и образа жизни последователей других религий, стремление не вторгаться во внутреннюю жизнь религиозных организаций».[89]

Что тут странного?

Странное сочетание здесь в том, что именно христиане – сторонники единства Церкви, хотя и проповедуют фактическое разделение. Напротив, экуменисты и модернисты являются сторонниками раскола и врагами единства, сколько бы они ни обличали раскол и как бы сладко ни звучало в их устах слово «единство».

Механизм странных сочетаний

В странных сочетаниях мы видим схожий механизм, похожую последовательность в рассуждении:

1. Мы обращаем внимание на слова и дела;
2. Обнаруживаем противоречие истине;
3. Подвергаем его анализу;
4. И, наконец, заменяем истинным противоречием, теперь уже понятным окончательно.

Как пишет Лейбниц:

Когда разум опровергает какой-либо тезис, то этим он устанавливает противоположный тезис. И когда кажется, что в одно и то же время он опровергает оба противоположных тезиса, то именно в это время он обещает нам нечто более глубокое, если только мы идем за ним так далеко, куда он только может нас вести, и идем не препираясь, а с горячим желанием найти и выяснить истину, что всегда вознаграждается сколько-нибудь значительным успехом. [90, С. 125-126]

Зачем нужны странные сочетания?

Кажется, что, совершая такие операции, мы противоречим интеллектуальной интуиции и фактам. Почему просто нельзя отвергнуть «единство» идеологий, и больше не думать об этом?

Странные сочетания следует обнаруживать и размышлять над ними, потому что они действительно существуют. Рядом с истинным единством есть единство мнимое, которое как две капли воды похоже на истинное.

Больше того, оно в некоторых отношениях выглядит даже более церковным, еще более единым, чем единство во Христе. Призыв изгнать А.И. Осипова из Церкви выглядит началом раскола, тогда как это и есть единственно возможный призыв единству веры.

Демонстрируя устрашающее сходство полной истины и кромешной лжи, странные сочетания показывают нам, что мы особенно далеки от модернистов там, где мы с ними, казалось бы, сходны до неразличения.

В самом деле:

- Мы выступаем за разделение, но устраивают раскол они, а не мы.
- Они говорят о единстве, но это мы, а не они, едины с христианами в одном, а со всем человечеством – в другом.

Все вместе это наводит на мысль, что мы разделяемся с идеологами и модернистами по вопросу об истине, а не по несходству во мнениях или словах. Поэтому вопросы о двух единствах, о соседствующих в Церкви христианине и не христианине звучат как неразрешимые и опасные.

Из сказанного следует, что странные сочетания необходимо возникают в разумном диалоге и размышлении, но почти совсем не пригодны для победы в споре.

Прибавление ума

Странные сочетания, если над ними размышлять, ведут к приращению знания, а не многознания, и добродетели, но не в банальном смысле «увеличения количества добра».³³ Так расширяется поле нашего видения, и на этих путях следует ожидать прибавления ума.

С их помощью мы видим то, что есть, и то, что кажется, совмеща все в одном верном изображении.

Со все большей ясностью мы различаем планы бытия:

- Что есть;
- Что должно быть.

Затем возводим к более высокому плану: значит, в мире господствует такой порядок, где недолжное находится в своем месте, то есть отдельно от должного.

В мире есть порядок и беспорядок. Но вместе они составляют порядок, а не беспорядок (смешение).³⁴

Таким же образом разрешаются и остальные противоречия. Для нас всё сводится к тому, что мы не сами себя создали и не сами себя спасли.

³³ См. «На всякого мудреца довольно простоты». [91, С. 286]

³⁴ «Если вселенная искажается всевозможным безобразием, то это происходит отнюдь не от грехов сущности души и наказаний за них, потому что разумная сущность, чистая от всякого греха, будучи подчинена Богу, господствует над остальными, ей подчиненными; та же, которая согрешила, предназначена туда, где и следует быть таковым, так что Богом, Творцом и Промыслителем вселенной, устроено все прекрасно. И эта красота всего сотворенного остается неприкосновенной, благодаря следующим трем: осуждению грешников, воспитанию праведников и совершенству блаженных». [92, С. 36]

Список сочетаний

Теперь бегло перечислим некоторые странные сочетания.

Беспорядок

- В мире нет ничего нового,³⁵ но в мире есть новое: это суета³⁶
- Новые люди создали себе и другим новые, суетные проблемы. Но ведь уже прародители создали себе и другим бедственное положение через грехопадение.
- Модернизм есть, и он только кажется.[93]
- Порядок в мире сочетается с беспорядком.
- Основания человеческой жизни устойчивы и неустойчивы.

Ничего нельзя понять

- Патологично духовно больное сознание, но и разумное сознание тоже по-своему патологично.³⁷
- Частичное знание порочно. Всякое знание частично.
- Патологическое сознание отказывается думать, воздерживаясь от суждения. Но и разумное сознание отказывается понимать непонятное и судить о не имеющем значения.
- Есть бессознательное в патологическом сознании, но и в разумном сознании есть бессознательное, интуитивное, догадка.
- Мы должны быть правы во всем и не хотим ошибаться. Патологическое сознание достигает своими средствами того, что ошибка в нем исключена.³⁸
- Мы уже знаем, имеем врожденные идеи и способности. Идеологи и модернисты тоже уже знают.
 - Мы – христиане, и они тоже уже слышали о Христе.³⁹

³⁵ «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9-10).

³⁶ «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!» (Еккл. 1:14)

³⁷ См. выражение свт. Игнатия (Брянчанинова) «Все мы в прелести»[94, С. 212] и толкование на них свт. Феофана Полтавского.[95, С. 60-62]

³⁸ «Дурак не ошибается никогда».[96]

³⁹ «Сам феномен Апостасии, феномен отпадения от Истины, заключается в том, что люди не могут свежо воспринять Благовестие. Они уже слышали о нем, и у них есть прививка против него».[97]

- У христианина внутренний Учитель.⁴⁰ У идеолога и модерниста – внутренний дурак.
- Страшные вопросы страшны и для нас, и для идеологов. Опасные – опасны и для нас, и для них. Их опасно задавать и на них опасно отвечать.
- Разумное сознание – упорядоченное, и в этом смысле просто устроено. Патологическое сознание устроено более сложно, но это сложность беспорядка, то есть тоже по-своему однородно, как грязь.
- Разумное сознание движимо интересом, патологическое – страхом, очень похожим на интерес.

Ум

- Ум – это слабость и сила.
- Наше знание частичное, но из небольшого познаем все.⁴¹
- Наше знание частичное и полное: «Начал понимать, и уже знаю».⁴²

⁴⁰ «Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Ин. 2:27).

«О всем, постижимом для нас, мы спрашиваем не у того говорящего человека, который внешним образом произносит звуки, а у самой внутренне присущей нашему уму истины, побуждаемые к тому, пожалуй, словами. Сей, у кого мы спрашиваем и кто нас учит, есть обитающий во внутреннем человеке Христос (Еф. 3:16-17), то есть непреложная Божия сила и вечная премудрость; хотя к ней обращается с вопросами и всякая разумная душа, она открывается однакоже каждому из нас лишь настолько, насколько он в состоянии принять то, смотря по своей худой или доброй воле».[98, С. 464]

⁴¹ «Поскольку... не все могут читать Писания, но иным неумение, а другим какие-либо занятия препятствуют познать их, то, чтобы неведением не погубить души, мы в немногих стихах заключаем все учение веры».[99, С. 71]

«Для тебя и для подобных тебе нетрудно и из небольшого познать многое».[100, С. 4]

«Следите все внимательно за сущностью говоримого, потому что если кто и не сможет понять всего, однако и из малого поймет всеобщее значение, ибо учение Духа подобно свету».[101, С. 175]

«„Яко по откровению сказася мне тайна: якоже преднаписах вмале“ (Еф. 3:3). „Кратко слово и сокращенно поучение, но в немногом я научил вас многому, засеменяв только (слово истины). Я написал столько, сколько могли вы уразуметь, уразуметь при углубленном и внимательном чтении, а не между делом пробежавши (писанное)“ (св. Иоанн Дамаскин)».[102, С. 206]

«В большинстве случаев для нахождения искомого достаточно лишь небольшого, но именно это прежде всего и требует искусства отделять нужные сочетания от ненужных».[103, С. 158]

⁴² «Если в движении заключена цель, то оно и есть действие. Так, например, человек видит – и тем самым увидел, размышляет – и тем самым размыслил, думает – и тем самым подумал (но нельзя сказать, что он учится – и тем самым научился или лечится – и тем самым вылечился); и он живет хорошо – и тем самым уже жил хорошо, он счастлив – и тем самым уже был счастлив... Одно и то же существо в то же время увидело и видит, а также думает и подумало».[104, С. 242]

- Мы ищем ответы, зная их.⁴³
- Надо знать лучше всех, но предварительно надо знать, что именно надо знать.
- Мы претендуем на знание всей правды, но выступаем против многознания.
- Мысль – уже готовый диалог. Значит, ты один в своей душе, но и не один.
- Знать Истину – болезненно и радостно,⁴⁴ легко и сложно.
- Факты существуют очевидно, но неясны по природе, а понятие ясно, но может быть понятием о чем-либо неясном.
- Надо знать все лучше всех,⁴⁵ однако ничего нельзя понять как следует.
- Ничего нельзя понять, но это не для всех верно.

Ничего нельзя сказать

- Патологическая речь патологична, но и разумная речь по-своему патологична.[107]
- В обществе утрачена истина коммуникации, раскрывающаяся в разумном диалоге. Но в душе и в частной жизни диалог возможен.
- Мы говорим только как христиане и только для христиан, но то, что мы говорим, важно для всех.
- Наша речь вообще понятна, но понятна лишь понятливым.
- Истина неопровержима, но патологическое сознание находит способы, как уклониться от ее признания.
- Ничего нельзя сказать, но кому-то и что-то можно. Необходимо определенно знать: кому и что.

Ничего нельзя сделать

- Антимодернизм есть частное и публичное предприятие.
- Христианин занимает свое место, но в мире ему нет места.
- Христианин живет в миру, но овладевает искусством сделаться негодным для мира.

⁴³ «Тот метод исследования совершенен, который позволяет предвидеть, к какому результату мы придем».[105, С. 122]

⁴⁴ «Премудрость возвышает сынов своих и поддерживает ищущих ее: любящий ее любит жизнь... Обладающий ею наследует славу, и, куда бы ни пошел, Господь благословит его; служащие ей служат Святому, и любящих ее любит Господь; послушный ей будет судить народы, и внимающий ей будет жить надежно... Сначала она пойдет с ним путями извилинами, наведет на него страх и боязнь, и будет мучить его своим водительством, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами; но потом она выйдет к нему на прямом пути и обрадует его и откроет ему тайны свои. Если он совертится с пути, она оставляет его и отдает его в руки падения его (Сир. 4:12-16, 18-22).

⁴⁵ «В общих чертах стратегия в споре с идеологами довольно проста: надо знать настолько много в чисто техническом смысле, чтобы они боялись досаждать вам».[106, Р. 174]

- Христианин занимается своим делом, когда ничего сделать нельзя.
- Мы живем без ориентиров: в этом наше отличие. Но в Новом веке все живут без ориентиров.
- Надо делать свое дело лучше всех, и при этом быть негодным для мира.
- Христиане – образцовые граждане, но развращенное общество считает их своими врагами.
- Христиане – борцы с расколом, но модернисты и экуменисты объявляют христиан раскольниками.

Порядок в эпоху беспорядка

- Разделяясь с миром, мы едины с человечеством. Идеологии единства поселяют своих адептов внутри изолированного существования.
- Человечество едино, но история человечества не имеет единого смысла.
- История кончилась и продолжается.
- История кончилась, но идет ко все большей ясности.
- Мы согласны с модернистами и идеологами и не согласны с ними.
 - Мы ни в чем не верим идеологам, но учимся у них.
 - Мы еще больше с ними отличаемся в том, в чем с ними согласны, чем в том, в чем не согласны. То есть в вере в Бога отличие больше, чем в критике или одобрении современного мира.
- Между нами и идеологами пропасть, но мы постоянно исследуем глубину и ширину этой пропасти.
- Государство давало понимание, но и малый порядок объясняет мир, заменяя человеку его ум.
- Всё плохо и не всё плохо.
- Быть христианином легко и трудно, но быть идеологом и модернистом тоже легко и трудно. Каждый получает свою долю.

Проблемы разрешаются сами собой, достаточно на них взглянуть

- Пессимизм ведет к радости.
- История кончилась, ничего нового не будет, но ничего нового никогда и не было.
- Современного богословия нет, но оно и не нужно.
- Церковь и массовая наука разошлись, но это не составляет ни интеллектуальной, ни моральной проблемы.
- Модернисты и идеологи спасают сами себя. Нас спасает Сам Христос.

Заключение

Мы подошли к концу книги, в которой я пытался описать определенный момент духовной истории на переломе 2022 и 2023 годов.

В предисловии я говорил, что в Новом веке христиане действуют, мыслят и говорят, как им обычно.

Христианин по-прежнему прав во всем. Он мудрец и наилучший гражданин. Он образец, построенный по образу Христа.

Что же, в таком случае, христианин делает в этом мире, не только не образцовом, но падшем и отступническом?

Он ходит по площади и прилагает этот образец ко встречным и поперечным, замечая при этом, что и сам он отклоняется от меры. В этом смысле и следует говорить не только о вредных модернистах, но и о желающих добра антимодернистах.

Антимодернисты – не инопланетяне, спустившиеся на землю, чтобы навести на ней порядок. Они – часть проблемы, несовременная частица современности, но частица сознательная, преднамеренная. Катастрофа возникает из хороших и плохих усилий, и в этом смысле никто не прав настолько, чтобы остановить катастрофу в России и в мире.

Этот результат наших измерений странен лишь на первый взгляд. Так действует любая мера: ей ничто не равно, кроме нее самой. Не случайно же мы говорили в предыдущей главе о странных сочетаниях. Ведь они от того и происходят, что мы измеряем правильным – неправильное, в том числе самих себя.

Мужество

Вот это странно и удивительно, страшно, наконец. Ведь, получается, мы желаем невыносимого, того, что нам не по плечу, того, с чем мы не можем справиться. Чтобы справиться с этим страхом, нужно мужество.⁴⁶

Мужество нужно, потому что знать истину болезненно, и в том числе ту истину, что от нашего мужества ничего не зависит.

⁴⁶ Nemo sapiens, nisi fortis (Никто не разумен, если не мужественен).[108, С. 242]

Мужество ничего не совершает, и все-таки оно нужно. Какая освобождающая мысль!

Ведь мы говорим лишь то, что

1. на вызовы эпохи Отступления ответа нет, а это очень горько (Откр. 10:9-10);
2. наши действия ведут к разделению между людьми, а это тоже болезненно, а иногда и опасно.

Чтобы над этим намеренно размышлять и беседовать об этом, нужно одно только мужество, потому что сама задача легка. Истина недалеко от каждого из нас.⁴⁷ Цель достигается сама собой, и удивиться вопросу – значит решить задачу.

Нам нужно

- Мужество, чтобы задавать опасные вопросы,
- Мужество, чтобы задать на вопрос больше.[110]
- Мужество, чтобы слышать вопросы,
- Мужество размышлять над ними (это и значит идти по пути Истины) и отвечать на них.
- Мужество принять невозможность ответа.
- Мужество принять ответ, болезненную правду.
- Мужество не ошибаться, быть правым во всем.
- Мужество отделиться от идеологов.
- Мужество не отделяться от человечества.
- Мужество увидеть силу идеологий.
- Мужество понять, что сила идеологий – в истине. Они ищут истинного, оставляя истину в небрежении.⁴⁸
- Мужество быть самостоятельным, то есть понимать, что действительность не имеет характера системы, а история не имеет одного смысла.
- Мужество не иметь ориентиров.
- Мужество не притворяться, отказаться от всякой симуляции и диссимуляции.
- Мужество быть негодным для мира, несовременным, непопулярным, не понятым.
- Мужество не зависеть от моды на идеи и самому не создавать новой моды.

⁴⁷ «К познанию и точному уразумению истины имеем нужду не в ком-либо другом, а только в себе самих. Путь к Богу не так далек от нас, как превыше всего Сам Бог; он не вне нас, но в нас самих; и начало его может быть нами найдено, как и Моисей учил, говоря: „слово веры – в сердце твоём“ (Рим. 10:8; Втор. 30:14). И Спаситель, давая разуметь и подтверждая то же самое, сказал: „Царствие Божие внутри вас есть“ (Лк. 17:21). Внутри же себя имея веру и царствие Божие, можем вскоре узреть и уразуметь Царя вселенной – Спасительное Отчее Слово... Что же это за путь? Отвечаю: душа каждого, и в ней ум, потому что только умом может быть созерцаем и уразумеваем Бог».[109, С. 165-166]

⁴⁸ «Вводят нас в заблуждение грехи, когда душа ищет истинного, оставив истину в небрежении».[92, С. 57]

- Мужество говорить, что думаешь.
- Мужество оставаться на своем месте.
- Мужество заниматься своим делом:
 - не заниматься халтурой;
 - делать свое дело наилучшим образом;
 - знать предмет лучше противников.
- Мужество видеть, что наше знание частичное.
- Даже сообщать только факты – и тут нельзя обойтись без мужества, чтобы их видеть и обсуждать.
- Мужество возлюбить свою судьбу.

Счастье

И вот, вооружившись мужеством, мы видим, что христианин – счастливый человек, чье счастье – в любви к истине (2 Фес. 2:10). То, что он мыслит мрачные и опасные мысли, еще не значит, что он отчаялся в милости Божией и смирился с ужасной жизнью, по подобию декадентов.

Радость о Боге имеет только одну причину: Самого Бога. Задавая вечные и нерешаемые вопросы, мы отказываемся от утешения человеческого и предоставляем Ему суд над нами. Здесь следует искать объяснения нашей ситуации, прояснения ума, освобождения своей мысли от компромисса. И здесь следует искать причины странной власти антимоdernистов: это власть суда, но не суда человеческого.

Наши печальные мысли ведут нас к радости, или – что то же – сладкое знание горько во чреве пророка (Откр. 10:9-10).

Многие опасности и проблемы оказываются мнимыми: например, одиночество или непонимание. Они мнимые не потому, что их нет, а потому что не могут лишить радости о Боге. Напротив, за этими бедами следует утешение.

Представляя себя на суд, мы оказываемся в удивительном месте, где все существенное достигается без усилий, само собой: понимание, слово и действие.

Ответы, которые нужно знать человеку, предложены ему в его душе. Это Истины, на которые нужно только направить свой взгляд.

Я бы хотел, чтобы **слово истины** слышали только понимающие, только понятливые, только разумные. Но ведь это так и устроено Богом, что слово Его слышат только имеющие уши слышать (Мф. 11:15, 13:9).

В эпоху Отступления ничего нельзя **сделать**, ничего нельзя изменить. Но это и не нужно.

Что делать, мыслить и говорить в Новом веке?

Наконец, мы можем ответить на главный вопрос нашей книги. Что же мы предлагаем христианам делать в Новом веке?

Ответ у нас получился двойкой:

1. Ничего. Ответив таким образом, мы сможем холодным умом понять, как правильно перейти от мысли к действию.
2. Поступать как обычно. Так мы можем устраниться от гордости реформаторов и восстановителей.

В мире, где идет война всех против всех, христиане являются образцовыми гражданами, какими они были всегда: и при языческих царях, и при православном царе. Они обращаются к безумевшему миру со словами истины и здравого смысла (Деян. 26:25). Они проповедуют и действуют в духе государственной дружбы.

От этого в обществе ничего не меняется. Оно не становится обществом граждан. В нем не появляются разумный диалог и христианская политика. Значит, действительно, кто хочет быть в этом мире разумным, будь безумным (1 Кор. 3:18).

Война, а тем более война всех против всех, это не партия в шахматы, когда проигравший идет домой. Для нас это значит, что христиане, если они побеждают в этом мире, то делают это без усилий и без особой заслуги. Если же проигрывают, то теряют лишь временную жизнь, но не вечную.

Поэтому мы предлагаем на первое место поставить смерть и суд, а жизнь – на второе. Иными словами, мы должны возлюбить свою судьбу не потому, что она нам нравится.

Я ишу не того, чтобы мой ум стал силой, и не того, чтобы научиться легко быть христианином. Я ишу свое место, где становится ясен ответ.

И вот здесь, когда расширено наше поле зрения и вся картина видна целиком, мы видим еще одно странное сочетание.

Оказывается, мы тоже боремся с истиной. Она для нас тоже страшна и невыносима, бесконечно сильнее нас, как она сильнее всего на свете.

Мы отличаемся от идеологов только тем, что соглашаемся, когда истина нас побеждает, пусть и не без безумного сопротивления с нашей стороны. Идеологи же с этим не согласны. Поэтому их мироулучшительная деятельность и их самосовершенствование суть символы бунта против Творца и Промыслителя.

Таков вывод из философии порядка, которая отделяет порядок от беспорядка и каждому отводит свое место во времени и в вечности.

И наконец, мы видим, что наше полное знание – «вся вера» (1 Кор. 13:2) – приводит не туда, где нет никаких вопросов. Знание, вера и любовь согласно приводят тебя к Тому, Кто судит о твоих успехах и неудачах, о твоём знании, вере и любви.

Все остальное не имеет значения.

Послесловие. Что дальше для модернизма и антимодернизма?

В книге «Упорядоченная душа в Новое время» мы говорили о переменах в душе и в мире и довели наше описание до 2022 года.

Мы сказали, что Новое время отличается от старого тем, что в Новое время устанавливается беспорядок особого рода: беспорядок в душе, и возникает соответствующий этому беспорядку тип: «новый человек».

Затем устанавливается беспорядок в обществе, и появляется новое государство, как его воплощение. Наконец, аналогичный беспорядок создается и в Церкви, где его создают те же новые люди: модернисты.

Итак, беспорядок в обществе и в Церкви возникает не сам собою. Его создают для себя новые люди, потому что находят удобным для себя.

Беспорядок был удобен идеологам и модернистам, так как избавлял от страха вообще и, в частности,

- от страха Божия (религиозного страха);
- от страха смерти и, в особенности, от рук ближнего;
- от страха естественной необходимости.

Как нам известно из истории идеологий – марксизма, национал-социализма, облегченного православия и др. – новые люди справились с этими своими задачами.

Может быть, оттого что задачи были выполнены или по другой какой причине, но идеологии умирают. Поэтому, в заключение, попытаемся рассудить о том, что находится там: за новым человеком и новым государством, – где беспорядок уже не спасает от страха, а об удобстве приходится забыть.

Чтобы точнее оценить всю новизну нашей ситуации, придется сделать небольшое историческое отступление.

Историческое отступление

Мир – это порядок, и порядок принципиально понятный. Таковым его видели люди до эпохи Нового времени.

В рамках порядка целые области фактов, научных, психологических, даже религиозных, считались не имеющими значения. Их считали суетой,

и поэтому не исследовали. О них не имели попечения, но и не закрывали от себя и от других.

С наступлением эпохи Нового времени мир стал необъяснимым. Он стал непонятным не сам собой, конечно. Например, в России его сделали необъяснимым русские образованные люди, когда в середине XIX века начали массово терять веру.⁴⁹

Зато мир теперь воспринимают как систему, в которой каждый факт должен найти свое объяснение, каким бы маловажным он ни был. Все дела под солнцем неожиданно перестали быть «суеютой и томлением духа» (Еккл. 1:14).

Идеологии заново объясняют мир, причем это:

- С одной стороны, мир уже не целый, а за исключением тех или иных существенных моментов;
- С другой стороны, это мир полный всякой суеты, которая подвергается научному и псевдофилософскому осмыслению.

Наконец, когда был свергнут православный царь, беспорядок был утвержден и получил форму «нового государства».

Теперь усеченный мир считается целым и даже более полным, чем мир устроенный Богом и постигаемый христианами. Те же, кто с этим не согласен, подвергаются преследованию.

Несколько менее известно, что то же самое модернисты осуществили в Церкви. Об этом будет полезно рассказать.

В какой-то момент (тоже к середине XIX века) Церковь стала духовно непонятна многим христианам, причем не только ее вероучение и добродетель, но и святость, как исполнение того и другого. Уже предтечи модернизма: Чаадаев, славянофилы, А. Бухарев (архим. Феодор), – выдвигали против Церкви те обвинения, что она не является целой в себе, не имеет цельного мировоззрения, отделена от русского народа и интеллигенции и, наоборот, слишком привержена монархии.

Эти недостатки должна была преодолеть Церковная реформа, о некоторых положениях которой мы уже говорили: привлечь в Церковь интеллигентов, соединить священника с приходом, а Церковь – с обществом и т.д.

Предтеч модернизма (и их последователей вплоть до нашего времени) не устраивало «схоластическое» богословие и «буквалистское» толкование Писания, «ханжеское» учение о заповедях и «суеверная» вера в сверхъестественное. Все эти упреки в адрес Церкви собрал в одной фразе отец православного модернизма – Ф.М. Достоевский – под именами «чудо, тайна и авторитет».[112, С. 232]

Вместо этого уже в XIX веке стали заботиться о понятности Христиан-

⁴⁹ Характерный культ случайности у Герцена.[111]

ства, причем эту понятность стали искать в приспособлении к усеченному уже миру с его суетой.

Разговоры о понятности-непонятности церковно-славянского богослужения – лишь одна из тем, которая входит в общую проблематику модернистского объяснения духовного мира. Мы же толкуем эти усилия модернистов как признание того, что Православие стало им непонятно.

Заметим, что до поры до времени Церковная власть могла сделать понятным даже для модернистов то, что им было непонятно, хотя и не внутренним образом, не по содержанию. Модернистам до какого-то момента было понятно, что Церковь в лице св. Иоанна Кронштадтского (почил в 1908 году) или св. Феофана Затворника (почил в 1894 году), имеет духовную власть наказывать инакомыслящих. Последним же в истории судебным актом Церкви над инакомыслящим была анафема на Льва Толстого (1901 год).

После конца истории

Вот так работал этот идеологический механизм в государстве и Церкви в течение примерно ста лет, когда наступил конец истории – падение Удерживающего в 1917 году.

В течение одного-двух десятилетий после 1917 года, нечто похожее постепенно происходит в Православной Церкви.

Здесь отъятие Удерживающего выражается в том, что Церковная власть более не препятствует инакомыслию, а скорее, его поощряет, например, с 1961 года в кристально чистом виде экуменизма, как собрания всех ересей. Поучительно было бы также восстановить хронологию возвышения в Церкви крупнейшего модерниста современности А.И. Осипова. Это все этапы отказа Церковной власти от своей духовной власти «вязать и решить» (Мф. 18:18).

Как можно догадаться, отъятию Удерживающего в государстве и утрате Церковью духовной власти предшествовало падение «удерживающего» (ума, владычественной силы души [113, С. 118]) в сознании новых людей.⁵⁰

⁵⁰ В свое время я писал:

«Есть ведь и монархия Смысла, и она безраздельно владычествует в области мысли, и в области слова. И здесь есть свой Удерживающий, который повелевает, чтобы слова имели определенный смысл, и чтобы мысли не перетекали друг в друга и не извивались как змеи... В области слова и мысли действует и своего рода тайна беззакония. Это беззаконие размывает неизменный смысл, при сохранении внешнего облика слова, как, например, в масонстве и в адогматических системах мысли».[114]

Идеологии опровергнуты

После конца истории, на протяжении XX века, идеологии утвердились и совершили свои ненужные великие дела.

Однако во второй половине XX века идеологии начинают рушиться. Уже к 1960-м годам буквально все идеологии были интеллектуально опровергнуты: от национал-социализма до православного модернизма. Наступает «смерть идеологий», и вместе с ней мы все незаметно начинаем переходить в новую эпоху.

Самым важным следствием смерти идеологий стало то, что мир снова стал необъясним как система. Вместе с тем, услышать, что Божий мир понятен только как Богоустановленный порядок, идеологи и модернисты по-прежнему не готовы.

Остановимся на особо интересующем нас православном модернизме. Модернизм был полностью опровергнут сщмч. Виктором (Островидовым), архиеп. Феофаном (Быстровым) и о. Михаилом Помазанским. Они откликнулись на модернизм в нужный момент, ни раньше, ни позже чем требовалось. Их сочинений⁵¹ было достаточно, чтобы лишить модернизм его объяснительной и спасающей от страха силы. Сегодня мы можем продвигаться в анализе отдельных сторон модернизма, но он опровергнут окончательно и в целом.

Модернисты более не урезают мир, потому что не имеют больше власти это делать и, соответственно, их объяснения становятся неудовлетворительными.

Утратив объяснительную силу, модернизм, тем не менее, не исчез. После модернизма остались модернисты и созданные ими институты: модернистские юрисдикции, секты и учебные заведения.

Существует же Институт философии РАН (ранее Коммунистическая академия), накрепко связанный теперь с православным модернизмом. Но этот Институт уже никакие области реальности не заслоняет и не имеет власти это делать. Собравшиеся там лица: от академика до лаборанта, – ничего не объясняют и от страхов избавить никого не могут.

Модернизм не нужен, но он еще существует.

Еще раз восстановим порядок событий.

Сперва некоторые, совершенно определенные люди перестали доверять православному объяснению духовного мира.

⁵¹ Виктор Глазовский, сщмч. Новые богословы.[10]

Феофан Полтавский, архиеп. Доклад об учении митрополита Антония (Храповицкого) о догмате Искупления.[115]

Помазанский Михаил, протопресвитер. Догмат Халкидонского Собора и его истолкование в религиозной философии Вл. С. Соловьева и его школы.[116]

Потом стала действовать «сильная магия» модернизма, убеждавшая верующего человека, что он сам себе хозяин, свободен и творит великие дела, находясь в центре мироздания.

Эти объяснения Соловьевых, Трубецких и о. Шмемана всегда были неудовлетворительны. На дворе стоял XX век с его преступлениями, а модернисты убеждали человека в том, что он немислимо велик и абсолютно свободен. Христианство подвергалось и подвергается гонениям, а модернисты проповедают, что Христианство должно преобразить новый мир и нового человека.

Модернистские объяснения и раньше ничего не объясняли.

- Если мир необъясним, а Бог непознаваем, как учат апофатики, то зачем об этом писать и рассуждать? Надо было бы молчать, но модернисты продолжали многословить.
- Если человек – лично ты – свободен, то зачем сочинять книги на эту тему? Делай что попало и будь что будет.
- Если мир противоречив и в Самом Боге есть антиномии, то надо просто принимать каждый член противоречия как он есть, а рассуждать об этом уже не нужно. Флоренский может остаться на полке.

На следующем этапе нелепая модернистская пелена постепенно спадает с глаз, и люди уже не доверяют и модернистским объяснениям тоже. Это то время, в которое мы живем. Процесс разуверения еще не закончен, но тенденция очевидна.

Не будем, однако, этому радоваться, потому что возвращения к Православию не происходит и проблема безвластия Церкви не решена.

Мир, который еще вчера с такой властью объясняли идеологии, снова становится необъяснимым. В результате такого возвращения к предыдущему состоянию мир предстает в своем естественном виде. Уточним: какой мир? Мир нового человека, не мир Божий, а мир как самооткровение личности нового человека.

Мир снова стал непонятен. В нем опять оказались видны ранее закрытые части. И прежде всего, стала видна та истина, что модернизм не нужен: он не нужен, так как новый человек способен жить и в необъяснимом мире. Он может реформировать Церковь, хотя не видит в этом никакого смысла.

Итак, события развивались следующим образом: Христианство перестало быть нужным отступившим от него, затем стал не нужен и модернизм. Однако, в отличие от Христианства, модернизм может существовать, только если он нужен и удобен новому человеку.

Антимодернизм не нужен

Мы кратко описали путь, который прошел модернизм до 1917 года и после него, и наконец, пришли к нашему времени, когда модернизм стал не нужен.

Как это соотносится с историей антимодернизма?

Антимодернизм появился по причине модернизма и все время с ним боролся. На этом пути антимодернизм достиг довольно многого.

Во-первых, он не стал идеологией, так как искал практический выход только в практических вопросах, а на теоретические вопросы отвечал теоретически.

Во-вторых, антимодернизм отвечал только на те вопросы, которые его касались. Поэтому православный антимодернизм не создал своей отдельной догматики, а отсылал к истинному Православию.

Иными словами, антимодернизм

1. не стал программой консервативной переделки Церкви и общества и
2. не ушел от самой *веры* к размышлениям *о вере*.

Тем самым, антимодернизм доказал, что он может существовать в эпоху, когда господствуют гностические идеологии, то есть тогда, когда вроде бы не должна существовать никакая разумная жизнь. Но, теперь, как понимают читатели, вопрос стоит иначе: как и зачем ему существовать после смерти идеологий и того самого модернизма, который некогда вызвал антимодернизм к жизни?

Ведь как антимодернисты вплоть до наших дней боролись с модернизмом и другими идеологиями?

- Антимодернисты объясняли мир, который идеологии сделали необъяснимым. Теперь же люди научились жить в необъясненном мире, и наши объяснения их только позабавят. Так мы можем воспитать в лучшем случае антимодернистов-забавников, но не христиан.
- Мы открывали людям глаза на части реальности, которые идеологиями были закрыты. Теперь все области открыты для обозрения. Идеологии ничего не прикрывают, и нам в этом смысле не остается ничего для работы. Невозможно разоблачить открытое нечестие о. Павла Островского, например.
- Антимодернисты пугали идеологов, говоря, что старые страхи ими не побеждены. Но теперь страхи никого не пугают, а говоря точнее, люди научились жить в ужасном мире.

Ненужным, наконец, оказывается даже научно-историческое опровержение модернизма.

Нужна остаточная грамотность, умение и желание читать большие книги, чтобы модернизм существовал. Уровень преподавания и научных журналов, работа Института философии, философского факультета МГУ показывают, что это все осталось в прошлом.

В самом деле, полтораэта лет модернизм культивировал безмыслие, умение витать над противоположностями, воздержание от суждения. Параллельно тем же самым занимался марксизм в России и либерализм с консерватизмом – на Западе. Естественно, это воспитало соответствующие «научные» кадры.

Если такой человек, как Кураев назначается профессором,⁵² Дугин – философом,⁵³ а Великанов – богословом,⁵⁴ научное опровержение модернизма больше не нужно.

Модернизм, как учение, съел сам себя, сам себя испарил, и это не осталось без последствий для тех, кто с модернизмом борется.

Антимодернизм как вражда против мира

Модернизм это модернисты, – говорили мы. Но тогда будет верным и то, что антимодернизм – это тоже антимодернисты, которые есть и будут, каким бы именем их ни называли.

Попробуем это обосновать.

Ревностные христиане всегда искали, как выполнить заповедь о вражде против мира (1 Ин. 2:16).

Когда они увидели этот мир вторгающимся в саму Церковь, то стали антимодернистами. Они научились отличать модернистов от православных и пытались научить этому других.

Мы отличали модернистов от православных по тому признаку, что модернисты на идеологических основаниях утверждали, что обмирщение Церкви необходимо. Теперь идеологии умирают, но мир остался, и вражда с ним неизбежна.

Идеологические, интеллектуальные, культурологические объяснения теряют свой вес для самих модернистов. Не действует даже тот распространенный ранее мотив, что новому человеку должно быть удобно находиться в новой Церкви. Теперь и неудобное становится удобным.

Я уже писал в книге про о. Шмемана, [117, С. 447-448] что модернистский проект в этом отношении был обречен с самого начала. Модернизм может существовать, только если мир и Церковь находятся в конфликте.

⁵² В 1996 году по представлению Патриарха Алексия профессор Российского православного университета. В том же году профессор ПСТГУ, и с 2003 года – Московской духовной академии.

⁵³ Преполагает на философском факультете МГУ (Кафедра онтологии и теории познания) курс «Пост-философия» (1 февраля 2006 – 18 мая 2006). В 2008 г. становится профессором социологического факультета МГУ. Учреждает Центр консервативных исследований (ЦКИ) при социологическом факультете МГУ.

⁵⁴ С 9 июня 2010 по январь 2013 — проректор по научно-богословской работе МДА. С 27 декабря 2018 года по октябрь 2020 года – заведующий кафедрой богословия МДА. С ноября 2019 года по сентябрь 2020 года – первый проректор Сретенской духовной семинарии.

Если Церковь в лице своих представителей, типа оо. Ткачева, Кураева или Островского, становится совершенно мирской, то модернизм исчезает.

Вместо этого на первый план выходит неприкрытая похоть власти, злая воля разрушителей Церкви, которой уже нет никакого названия.

Итак, в новых условиях противостояние стало обнаженным: не Христианство против какого-нибудь «персонализма», а христианин против конкретного персоналиста.

Конечно, хорошо, что в арсенале антимодерниста сохраняется набор антигностических приемов и коллекция компрометирующих материалов. Но к ним должен прилагаться антимодернист, который отделен от мира в том конкретном смысле, что враждует против модерниста и ему подобных идеологов.

Возьмем нередкий пример, когда священник устраивает развлечения в храме, при храме или развлекается сам. Теперь нет нужды возмущаться или проводить сложный анализ: «Да как же это!», «Да что это?», и выяснять, почему это неверно.

Нам достаточно знать, что священник творит бесстыдные дела и говорит бесстыдные слова, потому что ему это нравится. Он так хочет, вот и все. Для нас это достаточно глубокое духовное знание о предмете.

И раз модернисту это нравится, то он человек недостойный имени христианина. А человек недостойный всегда будет врагом Церкви, хотя бы он время от времени и воздерживался от антиправославных демонстраций.

Задачи на будущее

Такое упрощение нашей вражды с миром и модернизмом требует, на мой взгляд, уточнения нескольких тем.

Во-первых: что такое борьба с модернизмом?

Другая тема – это власть и безвластие православных в новом веке. Очевидно, это связано с первой темой.

Известно, что антимодернизм уже в лице К.Н. Леонтьева не покушался на политическую и церковную власть. В XX веке, как мы знаем, архиеп. Феофан Полтавский прямо отказывается от Церковной власти и уходит в затвор. И все-таки все это время и вплоть до наших дней, у антимодернистов была своеобразная власть суда, природа которой остается не исследованной.

Третья тема, требующая исследования, – это тема суда. В каком смысле мы судим мир и модернизм?

Мы знаем, что сегодня в обществе и в Церкви не судят инакомыслящих именно за их ложные мысли. Это означает, что в обществе и Церкви установилось самое настоящее безвластие, потому что власть есть суд.

Христиане, однако, продолжают настаивать на своем праве и обязанности судить мысли, слова и дела. Эта претензия вызывает сразу много возражений:

По какому праву ты судишь?

Покажи нам Истину, от имени которой ты выносишь суд.

Почему твой суд бездейственен? И зачем ты судишь, если он бездейственен?

И, наконец, последняя, очень острая, тема, – это гордость. Упрощение вражды – антимодернист против модерниста – угрожает антимодернистам духовной смертью: неутолимой гордостью. В борьбе с модернизмом и идеологиями выковались такие умы и характеры, которые стали неукротимыми.

Эти проблемы я оставляю на будущее, а сейчас попробую выяснить вопрос о том, что такое борьба с модернизмом.

Борьба

В своей книге я пытался отличить действительно важное для христиан от навязанного гнозисом. Мы боремся с модернизмом, все еще находясь в тени модернизма, как если бы он был больше Православия. Модернизм диктует нам, о чем думать и говорить, против чего действовать.

Значит, само понятие «борьбы» должно быть уточнено.

Прежде всего христиане не должны становиться активистами и, в частности, софистами, профессиональными спорщиками.

За время сосуществования с модернистами православные выработали софистические приемы, нужные для победы в споре, а не для понимания.

Новые обстоятельства, мною описанные, позволяют нам оценить заново наши приемы, проверить их. Теперь, когда модернизм умирает, софистические приемы теряют свое значение. Останутся только те приемы преследования, которые могут служить также для нашего внутреннего рассуждения и разумного диалога. Это такие приемы, которые мы применяем не только к модернистам, но и к самим себе, чтобы нам самим не уклоняться от истины.

Наше противостояние с модернистами мы определили как личное, но оно не должно быть бессодержательным. Мы расходимся с ними не только в ответах, но более всего в том, что ищем ответы на страшные для нас вопросы, то есть на вопросы о вере, надежде и любви.

Итак, хотя наше противостояние с модернистами волевое, соперничество в намерениях, мы не должны перестать верить и мыслить. Будем учиться применять только те приемы, которые нужны нам самим, ставить вопросы интересные лично нам, решать вопросы, важные для нас, даже если модернисты уклоняются от ответа на них.

Так антимодернизм, наконец, становится полностью умозрительным, и в то же время рассуждает не о модернизме, а исключительно о модернистах.

Антимодернист как часть проблемы

Чтобы еще далее продвинуться в наших исследованиях, я предлагаю следующий ход мысли. Я предлагаю рассматривать антимодернистов как часть проблемы, часть эпохи Отступления.

Такой поворот мысли мне кажется последовательным с нашей стороны. Мы искали, как и чем поразить модерниста в его беспорядочной душе. Затем, когда мы занялись поисками упорядоченной души, мы обнаружили в конце концов антимодерниста не как идеал или меру всех вещей, а такой же предмет суда Божия, как и всё остальное.

Значит, антимодернизм будет существовать в той мере, в какой антимодернисты сохранят веру, разум и мужество предстать на Суд.

Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих: яко да оправдишися во словесех Твоих и победиши, внегда судити Ти (Пс. 50:4).

Роман Вершилло, Москва, Россия, 3 апреля 2023 года

Набрано и сверстано в текстовом процессе L^uX.

Предметный указатель

- Алексий (Ридигер), Патриарх, 77
Антоний (Храповицкий), митр.,
13
Аристотель, 16
Бедствия второго рода, 8, 15, 17,
19, 37, 38, 50
Бедствия первого рода, *см.*
Условия человеческого
существования
Безвластие, 78
 Безвластие в Церкви, 5, 24,
 29, 34, 45, 75
 Безвластие идеологов, 74
Беспорядок в душе человека, 18,
71, 80
Беспорядок в обществе, 18, 25,
28, 33, 71
Булгаков, Сергей о., 60
Бунт, 21, 23, 39, 45, 47, 58, 70
Бухарев, Александр Матвеевич,
72
Великанов, Павел о., 77
Виктор (Островидов), св., 12–13,
74
Власть, 45, 56, 69, 78
 Власть идеологов, 31, 75
 Церковная власть, 73, 78
Воля к власти, 22, 78
Вторая реальность, 58
Гегель, Георг Вильгельм
 Фридрих, 11
Гераклит, 26, 55
Гоббс, Томас, 32
Гордость, 14, 41, 48, 52, 70, 79
Григорий Палама, св., 52
Демоническая закрытость, 7,
26–27
Достоевский, Федор
 Михайлович, 11, 45,
 52, 72
Дугин, Александр Гельевич, 77
Духовная болезнь, 19, 24, 40, 43
Игнатий (Брянчанинов), св., 51,
63
Избирательное сродство, 53
Интеллектуальная бодрость, 3
Интерес, 15, 28, 40, 57, 64, 79
Иоанн Дамаскин, св., 64
Иоанн Сергиев, Кронштадтский,
св., 15, 73
Искусство преследования, 5, 21,
40, 79
История, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 14,
19–21, 23, 27, 39, 40,
42, 49, 55, 59, 66, 68,
73, 74
Компромисс, 11, 12, 35, 39, 47,
48, 58, 60, 69
Кочетков, Георгий о., 60
Критическая антропология, 49
Кураев, Андрей о., 77, 78
Легойда, Владимир Романович,
52

- Ленин, Владимир Ильич, 11, 43–45, 52
- Леонтьев, Константин Николаевич, 51, 78
- Личная история, 9, 19, 42, 49
- Ложь, 13, 14, 20, 26, 32, 37, 39, 45–51
- Малый порядок, 32–33, 36, 39, 45, 66
- Маркс, Карл, 11
- Многознание, 55, 62, 65
- Мужество, 10, 15, 28, 40, 54, 67–69, 80
- Напряжение, 14–15, 40
- Не для всех верно, 10, 24, 40, 52–54, 65
- Ницше, Фридрих, 11
- Обычай, 3, 58, 67, 70
- Одиночество, 5, 21, 32, 41, 49, 51, 53, 58, 60, 69
- Окончательный миф Нового времени, 23, 28
- Осипов, Алексей Ильич, 10, 29, 45, 60, 61, 73
- Основной вопрос человеческого существования, 24, 41
- Остаток веры, 46
- Островский, Павел о., 76, 78
- Очарование, *см.* Фасцинация
- Паскаль, Блез, 51, 55
- Патологическое сознание, 21, 28, 44, 53, 63–65
- Первая реальность, 19
- Переход от мысли к действию, 21, 48, 53, 70
- Пессимизм, 3, 8, 21, 49–57, 59, 66
- Победоносцев, Константин Петрович, 51
- Польза, 5, 28, 47, 51, 54, 71, 75, 77
- Помазанский, Михаил о., 74
- Предательство интеллигенции, 39
- Пропать, 53–54, 66
- Радость о Боге, 3, 4, 20, 50, 66, 69
- Радость о человеке, 3, 4, 20, 51
- Развращенное общество, 17, 24, 25, 27, 28, 34, 35, 42, 48, 50, 51, 66
- Революция, *см.* Бунт
- Речь понятная понятливым, 65, 69
- Самоопределение идеологов, 21, 29
- Самоспасение, 14, 20
- Серафим (Роуз), о., 6, 52
- Сергий (Страгородский), митр., 12, 13
- Слепота, 24, 47
- Смерть идеологий, 24, 71, 74, 76, 77
- Сохранение жизни, 32, 34
- Странные сочетания, 59–67, 70
- Страх, 25, 28–31, 34, 48, 59, 64, 67, 71, 74, 76
- Страшные вопросы, 3, 15–18, 23, 27, 28, 33, 49, 62, 64, 79
- Техническое православие, 10
- Технология спасения, 11
- Ткачев, Андрей о., 78
- Толстой, Лев Николаевич, 73
- Удерживающий, 5, 18, 24, 26, 34, 73
- Удобство, *см.* Польза
- Ужасная жизнь, 69
- Ужасный мир, 48, 76
- Условия человеческого существования, 8–10, 13–16, 19, 27, 38, 41, 50, 63
- Уход от преследования, 11, 14, 28, 48

Фасцинация, 52, 57, 59

Феофан (Быстров), архиеп., 63,
74, 78

Феофан (Говоров), св., 73

Философия порядка, 70

Флоренский, Павел о., 75

Халтура, 58, 69

Чаадаев, Петр Яковлевич, 72

Чернышевский, Николай
Гаврилович, 11

Шмеман, Александр о., 31, 75

Литература

- [1] *Вершилло Р.А.* Антимодернизм как наука. // Антимодернизм.ру. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/antimodernizm-kak-nauka/> (дата обращения: 12.10.2022).
- [2] *Иоанн Златоуст, св.* Толкование на второе послание к фессалоникийцам. // Творения: В 12 Т. СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1905. Т. 11. Кн. 2. С. 573-617.
- [3] *Серафим (Поуз), о.* Каждый из нас мог бы стать Иудой / Пер. Р.А. Вершилло. // Антимодернизм.ру. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/juda/> (дата обращения: 21.09.2022).
- [4] *Вершилло Р.А.* История закончилась с отъятием Удерживающего. // Антимодернизм.ру. 2022. <https://antimodern.ru/istoriya-konchilas-s-otyatiem-uderzhivayushchego/>. (дата обращения: 28.10.2022).
- [5] *Вершилло Р.А.* Все большая ясность и все большее обольщение // Антимодернизм.ру. 2022. <https://antimodern.ru/vse-bolshaya-yasnost-i-vse-bolshee-obolshchenic/> (дата обращения: 28.10.2022).
- [6] *Voegelin, Eric.* Structures of Consciousness // The drama of humanity and other miscellaneous papers, 1939-1985. Columbia, Mo., London: University of Missouri Press, 1978. P. 351-383.
- [7] *Григорий Богослов, св.* Слово 32, о соблюдении доброго порядка в беседевании // Собрание творений в 2-х т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1.
- [8] *Филарет Московский, св.* Собрание мнений и отзывов в 5 томах. СПб., 1886. Т. 4. 614 с.
- [9] *Сергий (Страгородский), митр.* Православное учение о спасении: Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Священного Писания и творений Свято-отеческих. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1898. 254 с.
- [10] *Виктор (Островидов), св.* Новые богословы // Церковь. 1912. № 16. С. 381-383.
- [11] *Виктор (Островидов), св.* Ответы на пятнадцать вопросов ОГПУ // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. 3 (20). С. 136-147.
- [12] *Кирьянова О.* Панихида по Патриархе Сергии (Страгородском) // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 7. С. 11.

- [13] Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. // Канонник. М.: Московская Патриархия, 1986. С. 161-169.
- [14] *Vondung, Klaus.* The apocalypse in Germany. Columbia, Mo: University of Missouri Press, 2000. 437 p.
- [15] *Иоанн Сергиев, Кронштадтский св.* Слова и поучения, произнесенные в 1896 году. // Полное собрание сочинений. СПб., 1897.
- [16] *Иоанн Сергиев, Кронштадтский св.* Письма разных лет. 1859-1908: 1902-1908. // Творения. Письма разных лет 1859-1908. Т. 2.
- [17] *Benda, Julien.* La trahison des clercs. Chicoutimi, Québec, 2006. 275 p.
- [18] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения / Ю. Н. Давыдов [и др.]. М.: Прогресс, 1990. С. 44-306.
- [19] *Аристотель.* Никомахова этика. / Пер. Н. В. Брагинской // Сочинения. М.: Мысль, 1978-1984. Т. 4. С. 53-293.
- [20] *Винокур Г.О.* Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999. 416 с.
- [21] Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Варшава, 1930. 124 с.
- [22] *Blumenberg H.* Work on myth. Cambridge, Mass: MIT Press, 1990. 685 p.
- [23] *Вершилло Р.А.* Вопросы русской мысли. История модернизма // Антимодернизм.ру. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/vorogosu-russkoj-mysli/> (дата обращения: 28.10.2022).
- [24] Церковная реформа // Два града. [Электронный ресурс]. URL: https://dvagrada.ru/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 23.12.2022).
- [25] Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Т. 1. 576 с.
- [26] *Августин, блж.* Исповедь. // Творения. Киев: , 1910. Ч. 1. 442 с.
- [27] *Гете И.В.* Фауст. / Пер. Б. Пастернака. М.: Художественная литература, 1969. 512 с.
- [28] *Strauss L.* Spinoza's critique of religion. New York: Schocken, 1982. 364 p.
- [29] *Frye N.* The Critical Path: An Essay on the Social Context of Literary Criticism. // The critical path and other writings on critical theory, 1963-1975. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press, 2009.
- [30] *Антоний (Блум), митр.* Труды. М.: Практика, 2002. 1082 с.
- [31] *Антоний (Блум), митр.* О Священном Писании. // Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. М.: Свято-Данилов Монастырь, 1993.
- [32] *Кочетков, Георгий о.* Слово после чтения евангелия на утрне. 9 февраля 1991 года // Из проповедей [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1992/no11/article/svjashchennik-georgii-kochetkov-iz-propovedei-1/>. (дата обращения: 28.12.2022).
- [33] *Кураев, Андрей о.* Школьное богословие. М.: Международный православный фонд «Благовест»; Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 1997. 308 с.
- [34] *Кураев, Андрей о.* Протестантам о Православии. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1997. 267 с.

- [35] *Кураев, Андрей о.* Женщина в Церкви: Беседы с богословом. М.: Эксмо, 2004.
- [36] *Осипов А.И.* Кто такой Бог. Лекция. 2000.
- [37] *Осипов А.И.* Что такое счастье. Лекция. 2012
- [38] *Осипов А.И.* О Боге.
- [39] *Чистяков, Георгий о.* Мученичество как феномен // Вестник Европы. 2002. № 6. <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/6/muchenichestvo-kak-fenomen.html>.
- [40] *Смирнов, Димитрий о.* Всенощное бдение под Обрезание Господне и память святителя Василия Великого. // Проповеди. М.: Сестричество во имя преподобномученицы вел. княгини Елизаветы, 2005. С. 46-69.
- [41] *Осипов А.И.* Бог. 4-е изд. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. 104 с.
- [42] *Алексий (Ридигер), Патриарх.* «Будем молиться и трудиться каждый на своем месте, не ожидая славы и награды человеческой» // Коммерсантъ. – 2005. – 11.01.2005.
- [43] *Чистяков, Георгий о.* Покаяние. 1999.
- [44] *Чистяков, Георгий о.* Немое солнце Ада // Русская мысль. 1998. 05-11 февраля. – № 4208.
- [45] *Смирнов, Димитрий о.* Проповеди. Кн. 6. 2008.
- [46] *Флоренский, Павел о.* Столп и утверждение истины. // Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. 490 с.
- [47] *Уминский, Алексей о.* Тайна примирения.
- [48] *Мочульский К.В.* Борьба с адом // Вестник РСХД. 1972. № 103. С. 33-46.
- [49] *Смирнов, Димитрий о.* Проповеди. Кн. 8. 2009.
- [50] *Иларион (Алфеев), митр.* Православие: В 2-х Т. 2-е изд. М.: Сретенский монастырь, 2009.
- [51] *Чистяков, Георгий о.* Трудный диалог продолжается // Русская мысль. 2000. № 4322 (15-21 июня).
- [52] *Смирнов, Димитрий о.* Проповеди. Кн. 3. 2003.
- [53] *Уминский, Алексей о.* Проповеди.
- [54] *Иларион (Алфеев), митр.* Мир Исаака Сирина. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1998. 324 с.
- [55] *Кураев, Андрей о.* Кто послал Блаватскую?: Теософия, Рерихи и православие. М., Ростов-на-Дону: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры; Троицкое слово, 2000. 399 с.
- [56] *Кирилл (Гундяев), Патриарх.* Патриарх и молодежь: Разговор без дипломатии. М.: Даниловский Благовестник, 2009. 208 с.
- [57] Владимир Легойда. Церковь не судит преступников, она помогает любому прийти ко Христу // Православие и мир. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/vladimir-legejda-cerkov-ne-sudit-prestupnikov-ona-pomogaet-lyubomu-prijti-ko-xristu> (дата обращения: 28.12.2022).
- [58] Еп. Сергий Барнаульский: «Не одобряю судилища над девчонками» // Антимодернизм.ру. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://antimodern.ru/bp_sergius_barnaul/ (дата обращения: 28.12.2022).

- [59] *Вершилло Р.А.* Лейбниц, Гоббс, Паскаль, 2022. 193 с. Интернет-версия <https://antimodern.ru/library/leibnitz-hobbes-pascal/>.
- [60] *Горбач, Виктор о.* Сила притяжения // Приходы. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://prichod.ru/orthodoxy-everywhere/34920/> (дата обращения: 03.04.2023).
- [61] Фаддей. Документально-художественный фильм // Собор Вознесения, 2023. URL: <https://rutube.ru/video/91b54d2580162a8712e38befd1e26417/> (дата обращения: 28.03.2023).
- [62] *Игнатий (Брянчанинов), св.* Письмо Михаилу Васильевичу Чихачеву. № 16. 10 августа 1860 года. // Полное собрание творений. М.: Паломник, 2007. Т. 7. С. 542.
- [63] *Вершилло Р.А.* Жизненная философия, и чем она опасна // Анти-модернизм.ру. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/zhiznennaia-filosofia-i-chem-ona-opasna/> (дата обращения: 10.09.2022).
- [64] *Ленин В.И.* Государство и революция. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1-120.
- [65] *Вершилло Р.А.* Осипову погрозили пальцем // Анти-модернизм.ру. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/osipov-anathema/> (дата обращения: 08.04.2023).
- [66] *Осипов А.И.* О нашем официальном богословии: По поводу неофициального Заключения Синодальной библейско-богословской комиссии // Осипов Алексей Ильич. Профессор Московской Духовной Академии. Официальный сайт. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://alexey-osipov.ru/books-and-publications/stati/o-nashe-m-ofitsialnom-bogoslovii-po-povodu-neofitsialnogo-zaklyucheniya-sbbk/> (дата обращения: 08.04.2023).
- [67] Церковь и мир: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Сост. Малягин В. [и др.]. М.: Даниловский Благовестник, 2000. 192 с.
- [68] *Вершилло Р.А.* Бунт и модернизм // Анти-модернизм.ру. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/bunt-i-modernizm/> (дата обращения: 15.04.2022).
- [69] *Seraphim (Rose), Fr.* Heavenly realm: Lay sermons. Platina, Calif.: Saint Herman of Alaska brotherhood, 1984. 116 p.
- [70] *Вершилло Р.А.* «Всё плохо» как предварительное суждение // Анти-модернизм.ру. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/everything-bad/> (дата обращения: 17.10.2022).
- [71] *Кронберг И.* О изучении словесности // Журнал МНПр. 1835. Часть VIII. С. 253-289.
- [72] *Григорий Богослов, св.* Слово 25, в похвалу философа Ирона. // Собрание творений в 2-х т. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. Т. 1.
- [73] *Вершилло Р.А.* Несчастное сознание православного модернизма // Анти-модернизм.ру. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/neschastnoe-soznanie-v-pravoslavnom-modernizme/> (дата обращения: 10.04.2022).

- [74] *Григорий Палама, св.* Омилия 15. На Неделю Ваий // Беседы: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 145-153.
- [75] *Сараскина Л.* Когда закончится Достоевский? // Православие и мир. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/fedor-dostoevskij-dve-storony-cerkovnosti-svetlaya-i-temnaya-video/> (дата обращения: 18.10.2022).
- [76] Сама история доказала правоту Ленина! Коммунисты во главе с Г.А. Зюгановым возложили цветы к Мавзолею на Красной площади // Коммунистическая партия Российской Федерации. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/117730.html> (дата обращения: 11.02.2023).
- [77] *Игнатий (Брянчанинов), св.* Отчник. // Творения. М.: Сретенский монастырь, 1999. Т. VI.
- [78] *Вершилло Р.А.* Человек в эпоху Отступления // Антимодернизм.ру. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/man-apostasy/> (дата обращения: 03.04.2023).
- [79] *Leibniz G.W.* The art of controversies. Singapore: Springer, 2006. 568 p.
- [80] *Leibniz G.W.* Reponse pour M. Bayle a M. le Clerc // The art of controversies. Singapore: Springer, 2006. P. 421-422.
- [81] *Жмакин, Василий о.* Материалы для истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых. СПб, 1890. 242 с.
- [82] *Паскаль Б.* Письма к провинциалу. Киев: Port-Royal, 1997. 576 с.
- [83] *Вершилло Р.А.* Что такое политика силы // Антимодернизм.ру. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/chto-takoe-politika-sily/> (дата обращения: 05.04.2023).
- [84] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. // Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 284-298.
- [85] *Nordau M.S.* Conventional Lies of our Civilization. Chicago: Laird & Lee, 1895. 344 p.
- [86] *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. 250 с.
- [87] *Августин, блж.* О Граде Божием. // Творения. Киев, 1907. Ч. 5.
- [88] *Иларион (Алфеев), митр.* Есть ли будущее у межхристианского сотрудничества? // Патриархия.ру. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3986621.html> (дата обращения: 02.03.2023).
- [89] *Кирилл (Гундяев), Патриарх.* Выступление на заседании Президиума Межрелигиозного совета России // Патриархия.ру. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5319083.html> (дата обращения: 02.03.2023).
- [90] *Лейбниц Г.В.* Опыты Теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. // Сочинения В 4-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.
- [91] *Островский А.Н.* На всякого мудреца довольно простоты. // Собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 5. С. 259-336.
- [92] *Августин, блж.* Об истинной религии // Творения. 2-е изд. Киев, 1912. Ч. 7.
- [93] *Вершилло Р.А.* От слова «новый» // Антимодернизм.ру. 2019. [Электрон-

- ный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/ot-slova-novuyj/> (дата обращения: 03.03.2023).
- [94] *Игнатий (Брянчанинов), св.* О прелести. // Полное собрание творений. М.: Паломник, 2007. Т. 1. С. 212-239.
- [95] *Феофан (Быстров), архиеп.* Письма. Jordanville, N.Y.: Holy Trinity Monastery, 1976. 80 с.
- [96] *Ромм, Михаил; Храбровицкий, Даниил.* 9 дней одного года. Киносценарий. М., 1962. 96 с.
- [97] *Серафим (Роуз), о.* По стопам св. Патрика, просветителя Ирландии / Пер. о. Стефана Красовицкого. // Антимодернизм.ру. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/st-patrick/> (дата обращения: 17.05.2022).
- [98] *Августин, блж.* Об Учителе. // Творения. Киев, 1914. Ч. 2. С. 419-473.
- [99] *Кирилл Иерусалимский, св.* Огласительные и тайноводственные поучения. М., 1900. 370 с.
- [100] *Григорий Богослов, св.* Послание 1, к монаху Евагрию, о Божестве. // Собрание творений в 2-х т. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. Т. 2.
- [101] *Григорий Палама, св.* Омилия 17, на евангелие Новой Недели (Фомина Воскресения). // Беседы: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 175-186.
- [102] *Феофан Затворник, св.* Послания к ефесянам // Толкование посланий св. Апостола Павла. М., 1893. 498 с.
- [103] *Лейбниц Г.В.* Письмо к неизвестному адресату. // Сочинения В 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 3. С. 151-158.
- [104] *Аристотель.* Метафизика // Сочинения: В 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- [105] *Лейбниц Г.В.* Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения. // Сочинения В 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С.115-122.
- [106] *Voegelin, Eric.* Letter to Marshall McLuhan. July 17th 1953. // Selected Correspondence – 1950-1984. Columbia, Missouri: University of Missouri Press, 2007. P. 173-174. Пер. Р.А. Вершилло.
- [107] *Вершилло Р.А.* Суть дела – слова: Людвиг Витгенштейн в королевстве языковых зеркал // Сегодня. – 1994. – 24.11.1994.
- [108] *Cicero M.T.* Tusculan Disputations. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press; William Heinemann Ltd, 1966. 624 p.
- [109] *Афанасий Александрийский, св.* Слово на язычников. // Творения. М.: Троице-Сергиева Лавра, 1902. Т. 1. С. 125-191.
- [110] *Вершилло Р.А.* Задать на один вопрос больше // Антимодернизм.ру. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/question-more/> (дата обращения: 22.09.2022).
- [111] *Kelly A.M.* The discovery of chance: The life and thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. x, 592 p.
- [112] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Книги I-X // Полное собрание сочинений в 30-ти т. Ленинград: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
- [113] *Феофан Затворник, св.* Толкование Послания святого Апостола Павла к римлянам. М., 1890. 560 с.
- [114] *Вершилло Р.А.* «Удерживающий»: Судьба одного понятия в православно-патриотической публицистике // Антимодер-

- низм.ру. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/uderzhivayushchij-sudba-odnogo-ponyatiya/> (дата обращения: 22.09.2022).
- [115] *Феофан (Быстров), архиеп.* Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ об учении митрополита Антония (Храповицкого) о догмате Искупления. М.: Православное действие, 1998. 80 с.
- [116] *Помазанский, Михаил о.* Догмат Халкидонского Собора и его истолкование в религиозной философии Вл. С. Соловьева и его школы // Православный путь. 1951. С. 140-158.
- [117] *Вершилло Р.А.* Мирозрение протоиерея Александра Шмемана. М.: Антимодернизм.ру, 2015. 467 с.